

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

От главного редактора	2
-----------------------------	---

НОВОСТИ НАУКИ И БИЗНЕСА

Поздравление с Днём металлурга	7
Онлайн-обсуждение нового проекта Концепции правовой политики на период 2020–2030 гг.	7

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Золотухин А.В. mczolotou@rambler.ru К вопросу об алеаторной природе договора страхования предпринимательского риска	8
Султонова Т.И. sultanova77@mail.ru Формы организации предпринимательства в Республике Таджикистан и пределы свободы их выбора	12
Рубцова Н.В. rubtsova@yandex.ru Предпринимательская = профессиональная деятельность: pro et contra	18
Бажина М.А. mashsol@mail.ru, Щекочикина Е. П. helena271@rambler.ru Перспективы развития правового регулирования прямых смешанных перевозок в РФ	22
Михалев К. А. mikhalev.upd@gmail.com, Витман Е. В. vitmanev@gmail.com, Брюхов Р. Б. brukhovr@gmail.com Проблемы реализации опционов в корпоративных сделках	27

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Белых В.С. belykhvs@mail.ru, Коньков К.А. kir-konkov@yandex.ru, Болобонова М.О. mbolobonova@bk.ru Проблемы совершенствования антимонопольного законодательства в условиях цифровой экономики: спорные вопросы теории и практики	37
Болобонова М.О. mbolobonova@bk.ru, Хрупалов В.А. v.khrupalov@mail.ru Правовое регулирование оборота данных в деятельности цифровых платформ: спорные вопросы теории и практики	42

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Гаевская Е. Ю. ekaterinagaevskay@yandex.ru, Вагина О. В. bmpmag@mail.ru К вопросу об обеспечении реализации принципа деления земель по целевому назначению нормами Кодекса РФ об административных правонарушениях	47
--	----

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Шафир А.М. shafir07@mail.ru Потребитель энергоресурсов как энергоснабжающая организация	52
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Калугин В. Ю. kalugin2006@yandex.ru Использование институтов банкротства в уголовно-правовой сфере	57
--	----

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Поздравление с юбилеем А.А. Козицына	63
--	----

Уважаемые читатели!

Лето постепенно начинает уходить. Дни становятся всё короче, а ночи – всё длиннее, то тут, то там попадаются на глаза первые опадающие листья, а на небе – вместо приветливого яркого солнца – всё чаще угрюмые тучи.

Это лето было необычным для нашей страны (да и для всего мира). Пандемия новой коронавирусной инфекции, разразившаяся в марте, вряд ли будет побеждена в ближайшее время: статистика сообщает о почти 17 миллионах зараженных во всем мире и более чем о 800 тысячах – в России. Хотя есть и хорошие новости: абсолютное большинство (более 75%) зараженных справляется с болезнью, а новых случаев выявляется уже меньше. На фоне этих событий мир начинает постепенно оправляться от последствий пандемии, ставшей настоящим шоком для экономико-правовой сферы. Постепенно возобновляется международное транспортное сообщение, открываются курортные зоны, сотрудники большинства предприятий возвращаются в офисы. Что наиболее важно для юристов – возобновлена работа судов (хотя онлайн-заседания до сих пор проводятся).

Отмечу, что наше государство и общество прекрасно себя проявили в условиях пандемии: многие административные процедуры достаточно быстро (и без каких-либо проблем) перешли в онлайн-формат, а граждане старались следовать всем мерам безопасности. В целом же пандемия стала испытанием главным образом для сферы информационных технологий, онлайн-взаимодействия. Рискну утверждать, что с этим испытанием информационный сектор справился прекрасно. Например, в УрГЮУ уже имеется положительный опыт проведения занятий на цифровых платформах, онлайн-консультаций и даже проведения экзаменов в онлайн-режиме, в том числе и кандидатских экзаменов у аспирантов и соискателей!

Какие изменения ожидаются в правовой сфере в текущих условиях? Прежде всего хотелось бы отметить, что по результатам всероссийского опроса, большинство наших граждан поддержали новеллы, внесенные в Конституцию законом о поправке от 14 марта 2020 г. Для юристов это означает, что в самое ближайшее время серьезные изменения затронут систему законодательства о государственном управлении. Например, уже в ближайшее время в Государственную думу будет внесен проект Федерального закона «О Государственном Совете».

Также с 1 июля важные изменения произошли в налоговом законодательстве: теперь налоговый режим для самозанятых может быть введен в каждом субъекте Федерации. Для граждан это означает возможность на законных основаниях систематически заниматься трудовой деятельностью «на себя», не неся при этом такой налоговой нагрузки, как индивидуальные предприниматели. Кроме того, с 27 июля перечень объектов интеллектуальных прав пополнился новым объектом – географическим указанием. Речь о тех случаях, когда географическое происхождение какого-то товара значительно влияет на его характеристики. Под соответствующий правовой режим подпадут многие региональные бренды, например, всем известный «оренбургский пуховый платок».

Дорогие читатели! В это непростое время редакция журнала «Бизнес, менеджмент и право» желает вам крепкого здоровья, больше новых идей, успешных проектов и неиссякаемого жизненного оптимизма! И помните прекрасные слова Эриха Марии Ремарка: «Пока человек не сдастся, он сильнее своей судьбы».

Главный редактор

В. С. Белых

CHIEF EDITOR'S COLUMN

Chief Editor's Column	2
-----------------------------	---

NEWS OF SCIENCE AND BUSINESS

.....	7
-------	---

CIVIL LAW AND ENTREPRENEURIAL LAW

A. V. Zolotuhin mczolotoy@rambler.ru On the issue about the aleatory nature of the entrepreneurial risk coverage contract	8
T. I. Sultanova sultanova77@mail.ru Forms of entrepreneurship organization in the republic of tajikistan and limits for freedom to choose them	12
N. V. Rubtsova rubtsova@yandex.ru Entrepreneurial = professional activity: pro et contra	18
M. Bazhina mashsol@mail.ru, E. P. Shekochihina helena271@rambler.ru Prospects of the development of legal regulation of multimodal carriages in Russian Federation	22
K. A. Mihalyev mikhalev.upd@gmail.com, E. V. Vitman vitmanev@gmail.com, R. B. Bruyhov brukhovr@gmail.com Challenges in executing options in corporate transactions	27

LAW AND DIGITAL ECONOMY

V. S. Belykh belykhvs@mail.ru, K. A. Kon'kov kir-konkov@yandex.ru, M. O. Bolobonova mbolobonova@bk.ru Problems of improving antimonopoly legislation in the digital economy: controversial issues of theory and practice	37
M. O. Bolobonova mbolobonova@bk.ru, Хрупаков В. А. v.khrupalov@mail.ru Legal regulation of data exchange in the activities of digital platforms: controversial issues of theory and practice	42

ENVIRONMENTAL LAW

E. Yu. Gaevsкая ekaterinagaevskay@yandex.ru, O. V. Vagina bmpmag@mail.ru On the issue of ensuring the realization of the principle of land division according to the intended use by the provisions of the RF Code on Administrative Offences.	47
--	----

ENERGY LAW

A. M. Shafir shafir07@mail.ru Consumer of energy resources as energy supplying organization	52
--	----

CRIMINAL LAW

V. Kalugin kalugin2006@yandex.ru Using the bankruptcy legislation in the criminal law sphere	57
---	----

CONGRATULATIONS

Anniversary greetings to A. A. Kozitcin.	63
---	----

CHIEF EDITOR'S COLUMN

Chief Editor's Column

NEWS OF SCIENCE AND BUSINESS

CIVIL LAW AND ENTREPRENEURIAL LAW

A. V. Zolotuhin mczolotoy@rambler.ru On the issue about the aleatory nature of the entrepreneurial risk coverage contract

Abstract: The article examines the legal nature of entrepreneurial risk coverage contract from the position of its aleatory character. It contains scientific statements which reflect two approaches to aleatory nature of the insurance contract i.e. recognizing and denying the aleatory nature of the said contract construction. In his study, the author goes along with the group of researchers that recognize the aleatory nature of entrepreneurial risk coverage contract. He makes a conclusion that the estimation of probabilities underlines the insurance as economic activity but not in contractual relations of the insurer with an individual insured. The very aleatory nature of the entrepreneurial risk coverage contract gives rise to the estimation principle of insurance. Herewith, the author allows the existence of insurance contracts without aleatory component which include accumulative insurance contracts.

Keywords: entrepreneurial risk coverage contract, aleatory character, risk contract, accumulative insurance contract.

T. I. Sultanova sultanova77@mail.ru Forms of entrepreneurship organization in the republic of tajikistan and limits for freedom to choose them

Abstract: Based on the current legislation analysis of the Republic of Tajikistan, the article considers the present limits for the freedom of choice and forms of entrepreneurial activity organization. Expressing generally affirmative position concerning the existent restrictive measures caused by the need to protect the economic turnover, rights and legitimate interests of other persons, the author expresses negative attitude towards the requirements provided by the tax legislation that make the right of citizens to be engaged in entrepreneurial activity and to choose the form for the organization of this entrepreneurial activity dependent upon the entrepreneur's income status. Within the limits of the article, the author answers the question concerning the extent to which the fiscal aim can be fundamental and single ground in respect to the choice of entrepreneurial organization form, and the extent to which setting this restriction regime is the sphere regulated by the tax legislation.

Keywords: entrepreneurial activity, forms of entrepreneurship organization, individual entrepreneur, entrepreneurial activity without establishing a legal entity, freedom of entrepreneurial activity, restrictions for the principle of freedom of entrepreneurial activity.

N. V. Rubtsova rubtsova@yandex.ru Entrepreneurial = professional activity: pro et contra

Abstract: The article is devoted to research of correlation between entrepreneurial activity and professional activity. The positions of "for" and "against" identification of the said types of activity are analyzed. Special attention is given to the study of professionalism as a doctrinal essential character of entrepreneurial activity. Based on the conducted research the conclusion is made that entrepreneurial activity and professional activity cannot be regarded as identical notions.

Keywords: entrepreneurial activity, professional activity, activity, doctrinal feature.

M. Bazhina mashsol@mail.ru, E. P. Shekochihina helena271@rambler.ru Prospects of the development of legal regulation of multimodal carriages in Russian Federation

Abstract: The article deals with the main problems that concerns the legal regulation of multimodal carriages in Russia. Authors outline several aspects such as the confusion of notions used in the transport legislation, the absence of the single document provided for the multimodal carriage and the legal regulation of the participant who would be responsible for the whole transport of goods.

Keywords: multimodal transportation, single document of carriage, notion, the forwarder, the forwarder-principal, the operator.

K. A. Mihalyev mikhalev.upd@gmail.com, E. V. Vitman vitmanev@gmail.com, R. B. Bruyhov brukhovr@gmail.com Challenges in executing options in corporate transactions

Abstract: The article is devoted to the practical issues of the execution of corporate option agreements - the new type of

contract in Russian civil law. The following issues were explored: a mechanism of exercising the option agreements about non-public companies stocks; alienation of the shares to a third party; conditions of the property transactions.

Keywords: corporate law; option agreement; commercial register; stock; share.

LAW AND DIGITAL ECONOMY

V. S. Belykh belykhvs@mail.ru, **K. A. Kon'kov** kir-konkov@yandex.ru, **M. O. Bolobonova** mbolobonova@bk.ru

Problems of improving antimonopoly legislation in the digital economy: controversial issues of theory and practice

Abstract: The article analyzes the current problems of the application of antimonopoly legislation in the digital economy. Such problems of legal regulation of the activities of digital platforms, determination of the dominant position in digital markets are considered. The authors indicate the directions of improving the antimonopoly legislation in this area.

Keywords: digital Platforms, Digital Markets, Antitrust Regulation, Network Effects, Antitrust Compliance, Big Data.

M. O. Bolobonova mbolobonova@bk.ru, **Хрупапов В.А.** v.khrupalov@mail.ru Legal regulation of data exchange in the activities of digital platforms: controversial issues of theory and practice

Abstract: The article is devoted to the issue of legal regulation of «big data». The definition of «big data» is given, their relationship with personal data and information in general is considered. The types of big data, their areas of use are highlighted, the main problems arising from their use are analyzed. The main models of legal regulation of big data, data exchange and cross-border data circulation are revealed, depending on the type of digital platforms.

Keywords: big data, personal data, digital platforms, digital economy, antitrust regulation, cross-border data exchange.

ENVIRONMENTAL LAW

E. Yu. Gaevskaya ekaterinagaevskay@yandex.ru, **O. V. Vagina** bmpmag@mail.ru On the issue of ensuring the realization of the principle of land division according to the intended use by the provisions of the RF Code on Administrative Offences.

Abstract: In their article, the authors examined the issues that can arise while ensuring the principle of land division according to the intended use by the provisions of the RF Code on Administrative Offences.

Keywords: land legal relations, categories of land, division of land according to intended use, administrative liability for land-related offences.

ENERGY LAW

A. M. Shafir shafir07@mail.ru Consumer of energy resources as energy supplying organization

Abstract: In energy supply, a unique economic and legal model is being formed, when the consumer of energy resources not only uses the energy received from the energy supplying organization, but also participates in the process of energy generation and thus can act as an energy supplier in contractual relations with the energy supplying organization and even receive remuneration for this, turning the process of energy supply is, in fact, cooperation, joint activities of energy producing and consuming entities. Energy supply is defined not only by extension of relations in the sphere of production (supply) to the sphere of energy consumption, but also by the reverse process – participation of the energy consuming entities in production of energy and, hence, extension of competence of consuming entities to the sphere of production (supply). Economic and legal process of energy supply is, in fact, cooperation, joint activity of energy producing and energy consuming entities.

Keywords: Energy, energy resources, the subject of economic relations of energy supply, energy consumption, cooperation of producer and consumer of energy resources.

CRIMINAL LAW

V. Kalugin kalugin2006@yandex.ru Using the bankruptcy legislation in the criminal law sphere

Abstract: The article is devoted to issues of harmonization of bankruptcy legislation, criminal legislation, criminal procedural legislation and criminal executive legislation.

Keywords: bankruptcy, criminal liability of debtors, exemption from punishment.

CONGRATULATIONS

Congratulations on the anniversary of A.A. Kozitsin

Бизнес, Менеджмент и Право

Научно-практический
экономико-правовой журнал
№ 2 (46), август, 2020 г.

Учредители:

Главный редактор:

Заместитель

главного редактора:

Ответственный за выпуск:

Редакционная коллегия:

Фонд «Гармония и благодетель»

Бельх В. С. – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Герасимов О. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Вагина О. В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Виницкий Д. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права ФГБОУ ВО «УрГЮУ», директор Института права БРИКС;

Головина С. Ю. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Дойников И. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»;

Илюшина М. И. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»;

Исаков В. Б. – заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ);

Карелина С. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»;

Камышанский В. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права»;

Кванина В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»;

Козаченко И. Я. – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Круглов В. В. – заслуженный юрист РФ, действительный член (академик) Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Кузнецова О. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета ФГБОУ ВО «Пермского государственного национального исследовательского университета»;

Митин А. Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Прошляков А. Д. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Салиева Р. И. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанского (Приволжского) федерального университета», заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»;

Стариков Ю. И. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежского государственного университета»;

Тужилова-Орданская Е. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирского государственного университета»;

Шевченко Г. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Владивостокского филиала ГКОУ ВО «Российской таможенной академии», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточного федерального университета».

Силин Я. П. – доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «УрГЭУ»

Беседин А. А. – президент Уральской Торгово-промышленной палаты, председатель правления;

Гаджиев Г. А. – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ;

Загайнова С. К. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «УрГЮУ», директор Центра медиации УРПЮУ;

Решетникова И. В. – доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа;

Чубаров В. В. – доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ;

Фурдуй С. В. – руководитель межрегионального управления службы Банка России по финансовым рынкам в УрФО;

Хазанов С. Д. – заведующий кафедрой административного права ФГБОУ ВО «УрГЮУ», член Научно-консультативного совета ВС РФ, кандидат юридических наук, профессор;

Цветкова С. А. – председатель Арбитражного суда Свердловской области;

Ярков В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВПО «УрГЮУ», президент Нотариальной палаты Свердловской области.

Бельх В. В. – заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права ФГБОУ ВПО «УрГЮУ»

Редакционный совет

Председатель совета

Коммерческий директор

Адрес издателя и редакции: 620 034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54, оф. 303, тел./факс: (343) 245-93-98, www.bmpravo.ru

Предпечатная подготовка: 000 «Пре-пресс бюро «Henry Pushel»», 620 014, г. Екатеринбург, ул. Вайнера, 13, оф. 413 тел.: 268-33-73

Печать:

Отпечатано с готового оригинал-макета в ИПК «Лазурь», Свердловская обл., г. Реж, ул. П. Морозова, 61. Подписано в печать 10.08.20. Заказ № 639.

Подписка:

Тираж 250 экземпляров. Цена свободная. Периодичность 4 раза в год. Дата выхода в свет: 15.08.2020.

Каталог Агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»: 18626. ISSN 2072-1722

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Номер Свидетельства ПИ № ФС77-27031 от 25 января 2007 г. Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги – лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными. Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, Менеджмент и Право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ.

Поздравления

стр. 63

Поздравление с юбилеем
А.А. Козицына

Гражданское и предпринимательское право

стр. 8

ЗОЛОТУХИНА В.

К вопросу об алеаторной
природе договора страхования
предпринимательского риска

Гражданское и предпринимательское право

стр. 18

РУБЦОВА Н.В.

Предпринимательская =
профессиональная
деятельность: pro et contra

Право и цифровая экономика

стр. 37

**БЕЛЫХ В. С., КОНЬКОВ К. А.,
БОЛОБОНОВА М. О.**

Проблемы совершенствования
антимонопольного
законодательства в условиях
цифровой экономики: спорные
вопросы теории и практики

Дорогие металлурги, уважаемые коллеги и ветераны!

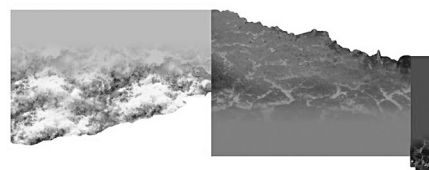
От всей души поздравляю вас с Днем металлурга!

Металлургия – это то, что объединяет Тагил и Качканар, является надежной опорой и гордостью двух мастеровых уральских городов.

Наши предприятия – надежный фундамент для развития области, нашей страны. А в основе их устойчивости – ваш каждодневный труд. Благодаря вам комбинаты уверенно идут вперед, развивают производство, обновляют мощности. Благодаря вашему труду мы лидеры металлургической отрасли.

Профессия металлурга – нелегкая, но важная и ответственная. Работа со стихией огня, вне зависимости от времени года и погоды, – это серьезная задача, требующая стойкости духа и крепости характера. Хочу поблагодарить вас за выдержку и оптимизм, за безопасный труд. Вместе у нас всегда все получается!

ЕВРАЗ

С ДНЕМ МЕТАЛЛУРГА!

Железной вам выдержки, стального терпения, твердого духа и крепкого здоровья!

*Алексей Кушнарев,
управляющий директор
ЕВРАЗ НТМК и ЕВРАЗ КТОК,
депутат Законодательного
собрания Свердловской области*

Онлайн-обсуждение нового проекта Концепции правовой политики на период 2020–2030 гг.

23 июля в столице Республики Казахстан Нур-Султане прошло онлайн-обсуждение нового проекта Концепции правовой политики на период 2020–2030 гг.

Организаторы обсуждения – Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан и КазГЮУ. В обсуждении приняли участие казахстанские и зарубежные эксперты. Модератор экспертной встречи – Нестерова Елена Викторовна – к. ю. н., главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, ассоциированный профессор Каспийского университета. С приветственным словом выступила Конусова Венера Тулеутаевна – к. ю. н., заместитель директора Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан.

В обсуждении вопросов экспертной встречи по гражданскому праву приняли участие: Нестерова Е. В., Ильясова Куляш Мура-

товна – д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник НИИ частного права Каспийского университета; Идрышева Сара Кимадиевна – профессор Департамента частного права КазГЮУ; Климкин Сергей Иванович – к. ю. н., профессор, ведущий научный сотрудник НИИ частного права Каспийского университета, главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан; Горячева Елена Васильевна – к. ю. н., ведущий научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан.

Среди зарубежных экспертов – Белых Владимир Сергеевич – д. ю. н., заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридическо-

го университета; Телюкина Марина Викторовна – д. ю. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Азер Алиев – доктор права, L. L. M., ассоциированный профессор международного, экономического права и сравнительного правоведения Юридического и экономического факультета Галле-Виттенбергского Университета Мартина Лютера.

В заключительной части выступил Сулейменов Думан Агжанович – и. о. директора Департамента законодательства Минюста РК.

По итогам обсуждения были высказаны предложения по совершенствованию Гражданского кодекса РК.

К вопросу об алеаторной природе договора страхования предпринимательского риска

Золотухин А. В., д. ю. н., доцент, декан юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета

Аннотация:

В статье рассматривается правовая природа договора страхования предпринимательского риска с позиции его алеаторного характера. Приводятся научные высказывания, в которых отражены два подхода на предмет алеаторности договора страхования: признающий и отрицающий алеаторную природу данной договорной конструкции. Автор в своем исследовании примыкает к группе ученых, признающих алеаторный характер договора страхования предпринимательского риска. Делается вывод, что расчет вероятностей лежит в основе страхования как экономической деятельности, а не в договорных отношениях страховщика с отдельным страхователем и именно алеаторная природа договора страхования предпринимательского риска дает начало расчетному принципу страхования. При этом автор допускает существование договоров страхования без алеаторной составляющей, к которым относятся договоры накопительного страхования.

Ключевые слова:

договор страхования предпринимательского риска, алеаторный характер, рисковые договоры, договор накопительного страхования.

Алексей ЗОЛОТУХИН

Договор страхования предпринимательских рисков имеет алеаторный (рисковый) характер. Алеаторная природа договора страхования впервые была подчеркнута во Французском гражданском кодексе ввиду того, что последствия такого соглашения как в отношении выгод, так и в отношении потерь зависят для сторон от неизвестного события (ст. 1964 Французского

гражданского кодекса). В научной литературе того времени алеаторный характер договора страхования объяснялся тем, что здесь «...не известно, произойдет ли несчастье; именно на случай реализации такой вероятности желают себя обезопасить посредством права требования возмещения, в обмен на что обязуются уплатить страховую премию»¹, «...если страховой случай не наступит, то, уплатив страховщику премию или премии, страхователь не получит от страховщика ничего»².

Позднее за договором страхования прочно устоялось качество алеаторности, и всякое исследование природы этого договора тем или иным образом сопровождалось указанием на такое его свойство. Так, К. П. Победоносцев, причастность страхования к договорам «о неверном и случайном» (так он называл алеаторные конструкции) обнаруживал в том, что страховщик, получая от страхователя премию в виде вознаграждения за принимаемый страх, мог и не быть представлен

к встречному вознаграждению, поскольку несчастье, требующее вознаграждения, могло и не случиться»³.

«Страховой договор, – отмечал В. П. Крюков, – по своему объективному свойству кажется фактором исключительно рисковым, рассчитанным на счастливую случайность...»⁴. Свойство алеаторности, как считал В. И. Серебровский, проявляется «в том случае, если те самые предоставления, которые оказываются должными в силу соглашения, находятся явно или скрыто в зависимости от неизвестного события»⁵. Такое свойство в договоре страхования, по его мнению, испытывали на себе оба контрагента: с одной стороны, страхователь, уплачивая страховую премию, не знает наверняка, получит ли он страховое вознаграждение, а если получит, то при продолжительности вноса премий покроет ли страховое вознаграждение уплаченные им премии, с другой стороны, страховщик до наступления страхового случая не знает, придется ли ему вообще уплачивать страховое

вознаграждение или, по крайней мере, он не знает времени и объема этого вознаграждения⁶.

«Именно алеаторный характер страхования, не неизбежность, а только вероятность гибели в определенное время и составляет суть этого юридического института», — писали о природе договора страхования Ш.М. Менглиев и В.А. Ойгензихт⁷.

Современные исследователи также обращают внимание на алеаторную природу договора страхования. «Договор страхования, — пишет С.П. Гришаев, — является алеаторной (рисковой) сделкой для обоих участников договора. Тот факт, что ни страхователь, ни страховщик не знают, наступит ли угрожающее интересам страхователя событие, лежит в основе обязательства страховщика»⁸. Как отмечает Ю.П. Свит, алеаторный (рисковый) характер страхования выражается в неопределенности в отношении результатов сделки: страховой случай может наступить, может и не наступить. Также неизвестно, каков будет размер ущерба от страхового случая⁹.

По мнению В.В. Грачева, договор страхования входит в число алеаторных сделок, поскольку на момент его заключения экономический эффект для сторон остается неизвестен: если страховой случай не наступит, то страхователь потратит свою страховую премию без получения денег от страховщика, а если наступит, то страховщик будет вынужден уплатить по договору сумму, как правило, значительно превышающую размер полученной от страхователя премии¹⁰.

В.А. Запорощенко отмечает, что факт отнесения договора страхования к числу алеаторных сделок «проявляется в том, что возникновение отдельных прав и обязанностей участников соглашения

поставлено в зависимость от случая или обстоятельства, на которое стороны не в силах повлиять». Автор подчеркивает, что «речь идет не о любых правах и обязанностях, допускаемых страховым правоотношением, а только о наиболее значимых, касающихся основного предоставления: для страхователя — это

**Сегодня такая
традиционная точка
зрения сосуществует
с противоположной ей
Опозицией, согласно
которой алеаторный
характер договора
страхования — давно
изжившее себя качество**

право требовать уплаты страхового возмещения; для страховщика — обязанность возместить убытки или уплатить определенную денежную сумму»¹¹.

Сегодня такая традиционная точка зрения сосуществует с противоположной ей позицией, согласно которой алеаторный характер договора страхования — давно изжившее себя качество. Такого взгляда придерживался, в частности, В.И. Синайский, полагая, что договор страхования только по первоначальной идее имел алеаторную природу, сегодня же он представляется уже не алеаторным, или рисковым, договором,

а основанным на хозяйственном статистическом расчете¹².

Близка к такой позиции точка зрения Ж. Морандьера, по мнению которого для страховщика рисковый характер договора ослаблен техническими условиями современной организации страхования, которые предполагают расчет вероятностей, опирающийся на законы больших чисел. Расчет вероятностей позволяет, опираясь на наблюдение фактов, имевших место в прошлом, рассчитывать наперед шансы наступления того или иного риска и в соответствии с этим расчетом определять с достаточной приближенностью размер взноса каждого из страхователей. Причем к сумме премии здесь причисляется еще некоторая сумма в целях повышения надежности прибыльности операции для страховщика¹³.

О совершенном расчете договора страхования говорил В.Н. Шреттер, отмечая в своих рассуждениях, что договор страхования является едва ли ни единственной договорной конструкцией, основанной на абсолютном расчете, поскольку риск, принимаемый сторонами, получает эквивалентное стоимостное выражение¹⁴. Н.Б. Щербаков поддерживает мысль о расчетном принципе страхования следующим высказыванием: «Залог прибыльности деятельности страховщика — математический расчет размера страховых премий по отдельным (принятым) страховым рискам, формирование (и успешное инвестирование) страхового резерва, за счет которого и выплачиваются страховые возмещения... Неопределенность для страховщика — не его риск, а его благо»¹⁵.

Комментируя данную позицию, мы хотим согласиться с Т.И. Султоновой, по мнению которой, основа представленной точки зрения кроется в смешении тех взаимоотношений страховщика и каждого

страхователя, возникающих из отдельного договора страхования, с тем общим эффектом, который образуется от всей совокупности договорных отношений страховщика со всеми страхователями¹⁶. «Этот общий эффект, – пишет она, – складывающийся из всей совокупности страховых операций, олицетворяет собой страховую деятельность страховщика в целом, но не его договорные взаимоотношения с конкретным страхователем»¹⁷. Расчет вероятностей, опирающийся на законы больших чисел, о котором пишет Ж. Морандьер, составляет экономическую основу самого страхования, но договорной инструментарий, используемый для формирования страхового фонда, имеет алеаторную природу.

Более того, без алеаторной составляющей договор страхования не имел бы никакой ценности для самой страховой деятельности, поскольку страхователя побуждает вступить в договорные отношения со страховщиком именно неопределенность будущих событий, от нежелательных исходов которых он себя ограждает. Поэтому можно сказать, что алеаторный характер договора страхования является основой жизнеспособности самой страховой деятельности. Ведь сам Н.Б. Щербаков, отрицая рисковый характер договора страхования, в то же время пишет, что «неопределенность для страховщика – не его риск, а его благо».

Именно о расчетном принципе страхования как экономической деятельности, а не договора страхования писали представители гражданско-правовой науки дореволюционного периода. Так, как полагал И.А. Покровский, именно на идее разложения вреда покоится весь институт страхования. В частности, он писал: «Создавая некоторую солидарность и взаимопомощь между лицами, одинаково в известном

отношении заинтересованными, этот институт гарантирует каждое отдельное из них от ударов случайности (огня, падежа скота и т. д.) и тем придает хозяйственной деятельности большую устойчивость и выносливость»¹⁸. Аналогичным образом Г.Ф. Шершеневич считал, что «страхование экономически достижимо только при объединении значительного количества частных хозяев, из страховых премий которых образуется капитал для покрытия ущерба, постигшего некоторых из них»¹⁹.

Таким образом, расчет вероятностей лежит в основе страхования как экономической деятельности, а не в договорных отношениях страховщика с отдельным страхователем, и именно алеаторная природа договора страхования дает начало расчетному принципу страхования.

Данный вывод очень точно отражает сущность договора страхования предпринимательских рисков. Более того, данный договор можно назвать вдвойне рисковым: рисковым-алеаторным в силу присущей предусмотренному договором страховому случаю неопределенности и просто рисковым в силу исключительно предпринимательской направленности его для обеих сторон договора.

Однако рассуждая об алеаторной природе договора страхования, мы все же признаем, что современный гражданский оборот допускает существование договоров страхования без алеаторной составляющей. Это так называемые договоры накопительного страхования, о которых много написано в юридической литературе. В качестве примера накопительного страхования наиболее часто приводится страхование жизни. По данному договору осуществляется периодическая плата страховых взносов, и при дожитии до окончания срока договора

производится выплата оговоренной суммы. Страховая выплата производится и в том случае, если смерть застрахованного лица наступила до окончания срока договора.

Появление такой конструкции страхования обусловило деление договоров страхования на алеаторные (рисковые) и безрисковые. В частности, такого мнения придерживается М.Н. Гекко. Он предлагает делить страховые случаи на рисковые (алеаторные), для которых характерны признаки вредоносности, вероятности и случайности, и безрисковые (облигаторные), лишенные этих признаков. На основе таких размышлений он разграничивает договоры страхования на рисковые, в которых страховой случай имеет вредоносный и непредсказуемый характер, и безрисковые, где страховой случай лишен свойства вредоносности и непредсказуемости²⁰.

Эта же идея лежит в основе размышлений А.К. Шихова, по мнению которого ошибочно абсолютизировать рисковый характер договора страхования, поскольку «кроме рисковых договоров страхования имеются еще и договоры накопительно-сберегательного страхования. По этим договорам страховщик в любом случае, исполняя свое обязательство, выплачивает страховую сумму, или так называемую выкупную сумму, страхователю (выгодоприобретателю)»²¹.

Близким образом рассуждает А.И. Худяков. «...В сфере страхования, – пишет он, – все большее и большее развитие стали получать безрисковые виды страхования, для которых характерна неизбежность наступления события, предусмотренного в качестве страхового случая («страхование жизни», «возвратно-накопительное», «накопительное», «сберегательное», «обеспечительное») ... В безрисковых договорах страховая выплата

производится всегда, поскольку эти договоры конструируются таким образом, что предусмотренное в них в качестве страхового случая событие обязательно должно произойти»²².

На наш взгляд, на отсутствие алеаторной составляющей в данном виде личного страхования указыва-

ет не тот факт, что событие, на случай наступления которого производится страхование (смерть застрахованного лица), так или иначе неизбежно наступит, поскольку, несмотря на неизбежность самой смерти, момент ее наступления всегда остается непредвиденным и, соответственно, случайным. На от-

сутствие алеаторности здесь указывает то обстоятельство, что выгодоприобретатель при любых условиях получит обусловленную договором страховую сумму. Невмешательство случайности в исход договора указывает на отсутствие алеаторного элемента в договорах такого рода. ■

¹ Саватье Р. Теория обязательств. – М.: «Прогресс», 1972. – С. 223.

² Морандьер Ж. Гражданское право Франции. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – С. 341.

³ См.: Пободоносцев К. П. Курс гражданского права. [Электронный ресурс]. – СПб.: Синодальная типография, 1896. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

⁴ Крюков В. П. Очерки по страховому праву. Систематическое изложение и критика юридических норм страхового дела. [Электронный ресурс]. – Саратов: Книгоиздательство В. З. Яксанова, 1925. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁵ Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. – М.: Статут, 2003. – С. 441.

⁶ Там же.

⁷ Менглиев Ш., Ойгензихт В. Страховой риск // Актуальные проблемы государственного строительства и укрепления социалистической законности в Таджикской ССР. – Душанбе, 1973. – С. 252.

⁸ Гришаев С. П. Страхование. [Электронный ресурс]. – М., 2008. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. В. П. Мозолин. – М.: Проспект, 2013. – С. 698 (автор главы Свит Ю. П.).

¹⁰ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: Учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. [Электронный ресурс]. – М.: Проспект, 2010. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (автор главы Грачев В. В.).

¹¹ Запороженко В. А. Особенности правового регулирования алеаторных сделок в Российской Федерации. Дис. на соискание уч. степ. к. ю. н. Екатеринбург, 2006. – С. 99.

¹² См.: Синайский В. И. Русское гражданское право. – Киев: Типо-литография «Прогресс», 1918. – С. 131.

¹³ См.: Морандьер Ж. Указ. соч. – С. 341–343.

¹⁴ См.: Шретер В. Н. Советское хозяйственное право (право торгово-промышленное). – М.: Л., 1928. – С. 322.

¹⁵ Щербаков Н. Б. Основные подходы к определению юридической природы алеаторных сделок // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 78.

¹⁶ См.: Султонова Т. И. Теоретические проблемы алеаторных договоров в гражданском праве Таджикистана: дис. ... д-ра юрид. наук – Душанбе, 2014. – С. 282.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. [Электронный ресурс]. – Петроград: юридический книжный склад «Право», 1917. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

¹⁹ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. – М.: Моск. науч. изд-во, 1919.

²⁰ См.: Гекко М. Н. Договор страхования по законодательству Республики Казахстан (теоретический аспект): автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Алматы, 2005. – С. 6–7.

²¹ Шихов А. К. Страховое право: учеб. пособие. – М., 2003. – С. 115.

²² См.: Худяков А. И. Теория страхования – М.: Статут, 2010. – С. 12–13.

Формы организации предпринимательства в Республике Таджикистан и пределы свободы их выбора

Султонова Т. И., д. ю. н., доцент, заведующая кафедрой предпринимательского права
Российско-Таджикского (славянского) университета.

Аннотация:

В статье на основе анализа действующего законодательства Республики Таджикистан рассматриваются существующие ограничения свободы выбора и форм организации предпринимательской деятельности. Выражая в целом одобрительную позицию относительно существующих ограничительных мер, вызванных необходимостью защитить экономический оборот, права и законные интересы других лиц, автор высказывает отрицательное отношение к предусмотренным налоговым законодательством требованиям, которые ставят право граждан заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью и свободу выбора этой формы организации предпринимательства в зависимость от размеров дохода предпринимателя. В рамках статьи автор отвечает на вопросы, насколько фискальная цель может иметь значение основополагающей и единственной причины введения ограничительного режима в отношении выбора формы организации предпринимательства, насколько установление такого ограничительного режима является сферой регулирования налогового законодательства.

Ключевые слова:

предпринимательская деятельность, формы организации предпринимательства, индивидуальный предприниматель, предпринимательская деятельность без образования юридического лица, свобода осуществления предпринимательской деятельности, ограничения принципа свободы предпринимательской деятельности.

Тахмина СУЛТОНОВА

Действующее законодательство Республики Таджикистан подразделяет предпринимательскую деятельность по форме организации на две классификационные группы: 1) с образованием и без образования юридического лица; 2) с использованием и без использования наемного труда

(ст. 3 Закона РТ «О государственной защите и поддержке предпринимательства» от 26 июля 2014 года, № 1107). Выбор вида и формы организации предпринимательской деятельности, как это вытекает из принципа свободы предпринимательской деятельности, должен являться делом сугубо самостоятельным. Основная идея этого принципа, по верному суждению В.С. Белых и С.В. Белых, заключается в гарантии, предоставленной государством физическим лицам и их объединениям свободно принимать решения об основных аспектах ведения бизнеса, в том числе свободно осуществлять организацию предпринимательской деятельности в любой сфере экономики¹. Признание свободы выбора вида и формы предпринимательства как одного из необходимых элементов принципа свободы предпринимательской деятельности является в правовой науке традиционным и в целом никак не оспаривается².

В действующем законодательстве Республики Таджикистан основа данного принципа заложена в ст. 12 Конституции РТ, положения которой позволяют каждому субъекту права свободно выбирать форму и содержание своего участия в экономической жизни государства. Делая такой выбор, будущий предприниматель, как правило, руководствуется оптимальными для него с точки зрения выгоды налоговыми режимами, а также экономическими, производственно-техническими факторами, влияющими на ведение бизнеса, и юридическими нюансами оформления бизнеса. От конкретного варианта решения этого вопроса во многом зависит эффективность и развитие дальнейшего участия в экономическом обороте.

Однако не всегда выбор формы организации предпринимательства является результатом решения самого предпринимателя. Во многих случаях форма ведения предпри-

нимательской деятельности диктуется государством. Таких примеров множество. Очень часто выбор формы организации предпринимательства ставится в зависимость от вида осуществляемой деятельности. Так, в Республике Таджикистан в форме индивидуального предпринимательства не могут осуществляться такие виды деятельности, как внешнеэкономическая деятельность (за исключением ввоза и вывоза товаров народного потребления в сумме до 500 тысяч сомони); производство подакцизной продукции (за исключением безалкогольных напитков); банковская деятельность и совершение банковских операций (за исключением обмена валют); страховая деятельность; деятельность по управлению инвестиционными фондами; профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг (п. 28 Правил налогообложения индивидуальных предпринимателей, функционирующих на основе патента или свидетельства, утвержденных Постановлением Правительства РТ от 31 августа 2012 года, № 451).

В отдельных случаях законодатель не только ограничивает форму ведения бизнеса, но и предъявляет требования к организационно-правовой форме юридических лиц. Так, согласно ст. 34 Закона РТ «О рынке ценных бумаг» от 28 июня 2011 года № 745, профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг может осуществляться только в форме юридического лица, при этом деятельность по организации торговли на рынке ценных бумаг может совершаться только в форме акционерных обществ. На это указывают положения ст. 1 этого же Закона, где требования к организационно-правовой форме фондовой биржи прямо включены в определение ее понятия. В частности, фондовой биржей признается юридическое лицо, созданное в организационно-правовой

форме акционерного общества, осуществляющее организационное обеспечение торгов ценными бумагами и оказывающее услуги, способствующие совершению сделок с ценными бумагами путем использования системы торгов фондовой биржи.

В соответствии со ст. 6 Закона РТ «О банковской деятельности»

**В отдельных случаях
законодатель не только
ограничивает форму
ведения бизнеса,
но и предъявляет
требования
к организационно-
правовой форме
юридических лиц**

от 19 мая 2009 года № 524 кредитные организации должны быть облечены в форму коммерческих организаций, а деятельность коммерческих банков может осуществляться только в организационно-правовой форме акционерного общества.

Дополнительные требования предъявляются к организационно-правовой форме микрофинансовых организаций (микрокредитной депозитной организации, микрокредитной организации и микрокредитному фонду). В частности, микрокредитная депозитная организация и микрокредитная организация могут создаваться только в организационно-правовой форме

закрытого акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью (ст. 5 Закона РТ «О микрофинансовых организациях» от 16 апреля 2012 года, № 816), а микрокредитный фонд – это всегда некоммерческая организация (ст. 1 Закона).

В силу ст. 9 Закона РТ «Об аудиторской деятельности» от 22 июля 2013 года, № 993, аудиторская организация может быть создана только в организационно-правовой форме хозяйствующих обществ, за исключением акционерных обществ.

Все эти и многие другие сдерживающие факторы являются частью национальной политики в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности и вызваны стремлением законодателя обеспечить баланс публичных и частных интересов. Ограничивая свободу хозяйствующих субъектов в выборе формы ведения бизнеса, государство руководствуется целью защитить экономический оборот, права и законные интересы других лиц, а также необходимостью осуществления контроля за качеством и безопасностью производимых товаров, выполняемых работ и предоставляемых услуг.

Более того, привязка конкретной организационно-правовой формы юридического лица к тому или иному виду деятельности зачастую продиктована природными преимуществами этой формы организации предпринимательства для этой сферы отношений. Как обращал внимание А.В. Венедиктов, форма юридического лица обусловлена прежде всего формой организации хозяйственно-трудовой деятельности организации³. Так, к примеру, наиболее эффективной формой организации предпринимательства с точки зрения возможности аккумуляции значительных денежных сумм является акционерное общество. Именно

эта организационно-правовая форма юридического лица характеризуется наиболее детальным нормативно-правовым уровнем регулирования и безопасностью в части потери денежных средств. Поэтому законодательные установления по поводу обязательности данной организационно-правовой формы для коммерческих банков и страховых организаций как единственно возможной формы функционирования являются вполне оправданными.

Вместе с тем в определенных случаях подобные ограничения выбора форм ведения бизнеса вызывают больше вопросов, нежели одобрительное отношение. В частности, вызывают озабоченность ограничительные нормы Налогового кодекса РТ и Правил налогообложения индивидуальных предпринимателей, функционирующих на основе патента или свидетельства, где право предпринимателя заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица в форме индивидуального предпринимательства определяется границами объема получаемого им дохода. Для начала проинформируем читателя, что индивидуальное предпринимательство в Республике Таджикистан может осуществляться в двух формах: индивидуальное предпринимательство, основанное на патенте, и индивидуальное предпринимательство, основанное на свидетельстве. Патентное предпринимательство является упрощенным видом индивидуального предпринимательства, применительно к которому применяется патентный режим налогообложения. Особенность патентного режима налогообложения состоит в том, что индивидуальный предприниматель, функционирующий на основе патента, **во-первых**, освобождается от уплаты установленных общегосударственных и местных

налогов с доходов от его индивидуальной предпринимательской деятельности, за исключением подоходного налога и социального налога, которые включаются непосредственно в стоимость (цену) патента. **Во-вторых**, такому налоговому режиму несвойственны требования по представлению налоговой от-

Если индивидуальное предпринимательство не соответствует перечисленным условиям, то оно осуществляется только на основе свидетельства и предусматривает более сложные (нежели патентный) режимы налогообложения

четности и применению контрольно-кассовых машин с фискальной памятью.

Патентное предпринимательство допустимо только в случаях, прямо предусмотренных законом, а именно: 1) если индивидуальный предприниматель осуществляет деятельность без использования наемного труда; 2) если вид осуществляемой им деятельности включен в утвержденный Постановлением Правительства перечень видов индивидуальной предпринимательской деятельности, осуществляемых на основе патента; 3) если его валовой доход за календарный год не превышает 100 тысяч сомони.

Если индивидуальное предпринимательство не соответствует перечисленным условиям, то оно осуществляется только на основе свидетельства и предусматривает более сложные (нежели патентный) режимы налогообложения. Речь идет о следующих видах упрощенных режимов налогообложения: 1) упрощенный режим налогообложения для субъектов малого предпринимательства; 2) упрощенный режим налогообложения для сельскохозяйственных производителей; 3) специальный режим налогообложения для субъектов игорного бизнеса.

Возвращаясь к вопросу о допустимых границах осуществления предпринимательской деятельности в форме индивидуального предпринимательства, приведем положения ст. 289 Налогового кодекса РТ, которые устанавливают предельные размеры валовой выручки индивидуального предпринимателя, превышение которых влечет для него невозможность продолжения ведения бизнеса в данной форме. В частности, п.1 названной статьи гласит, что валовой годовой доход физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей на основе свидетельства, от всех видов осуществляемой ими деятельности не может превышать один миллион сомони. В дополнение к этому п.29 Правил налогообложения индивидуальных предпринимателей, функционирующих на основе патента или свидетельства, предусматривает правило, в соответствии с которым факт превышения валового годового дохода индивидуального предпринимателя одного миллиона сомони обязывает его прекратить свою деятельность, которую он может продолжить только в форме юридического лица на основании другого налогового режима, установленного конкретной формы юридического лица.

Иными словами, действующее законодательство Республики Таджикистан право граждан заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью и свободу выбора этой формы организации предпринимательства ставит в зависимость от результатов предпринимательской деятельности хозяйствующего субъекта. Приближение дохода индивидуального предпринимателя к одному миллиону сомони сменяет его право осуществлять деятельность без образования юридического лица на обязанность преобразовать свой бизнес в форму юридического лица.

Такие ограничения мы расцениваем как существенное препятствие в осуществлении предпринимателями своих прав, существенно сужающее их гарантированную Конституцией РТ свободу предпринимательской деятельности.

Понятное дело, что законодатель, устанавливая такие ограничения, руководствовался исключительно фискальными целями. Однако такая законодательная позиция заставляет нас задуматься над следующими вопросами. Во-первых, насколько фискальная цель может иметь приоритет над другими целями налогового регулирования предпринимательской деятельности – регулирующей и стимулирующей, и насколько ее приоритетность является оправданной в условиях современного уровня развития предпринимательства в Республике Таджикистан? Во-вторых, может ли законодатель ставить фискальную цель во главу угла и придавать ей значение основополагающей и единственной причины введения ограничительного режима в отношении выбора формы организации предпринимательства? В-третьих, насколько налоговое законодательство является компетентным определять правила применения вида и форм участия

субъектов хозяйствования в экономической деятельности?

В рамках настоящей статьи постараемся разобраться в этих вопросах и выразить авторский взгляд на поднимаемую проблему.

Придавая фискальной цели налогового регулирования предпринимательской деятельности преоб-

**Чтобы добиться
экономически оправданного
уровня структуры налогов
и налоговой нагрузки,
соответствующей
современному развитию
национальной экономики,
и создать тем
самым комфортные
условия для развития
предпринимательской
деятельности и другой
экономической активности**

ладающее значение, законодатель, тем самым, стремится максимально пополнить государственный бюджет за счет увеличения налоговых обязательств и ужесточения налоговых режимов в отношении субъектов хозяйствования. Во все времена такой патерналистский подход составлял основу налоговой политики государства. Взимание налогов всегда играло роль источника формирования государственных финансовых ресурсов, а общество всегда выступало инструментом достижения этих государственных целей. Здесь очень уместно привести следующее довольно-таки ироничное высказывание К. Маркса:

«Налог – материнская грудь, кормящая правительство.... В налогах воплощено экономически выраженное существование государства»⁴. Или, как с той же долей иронии пишет английский исследователь А. Порки, «государство и налоги появились на свет почти одновременно, ибо государство есть дитя, словно родившееся уже с ложкой в одной руке и мечом – в другой»⁵.

В общих чертах такой же патерналистский подход лежит в основе налоговой системы Республики Таджикистан. Однако если сравнивать особенности налогового регулирования в его историческом ракурсе с современными тенденциями развития налогового законодательства, то, конечно же, является очевидным, что чисто патерналистский подход к построению налогового регулирования остался далеко в прошлом. Современные налоговые системы, в отличие от своих предшественников, существовавших в древних государствах, предусматривают ряд принципов, сдерживающих натиск налогового давления со стороны государства. Речь идет о регулирующей и стимулирующей целях современного налогового законодательства, заложенных в ряде принципов налогового права, демонстрирующих нейтральность налоговой системы.

Их суть заключается в том, чтобы добиться экономически оправданного уровня структуры налогов и налоговой нагрузки, соответствующей современному развитию национальной экономики, и создать тем самым комфортные условия для развития предпринимательской деятельности и другой экономической активности. В частности, регулирующая цель налогового регулирования предпринимательской деятельности обеспечивает баланс публичных интересов государства и частных интересов субъектов предпринимательства

посредством перераспределения налогового бремени между различными хозяйствующими субъектами. Основное значение стимулирующей цели налогообложения состоит в ослаблении налогового бремени граждан и юридических лиц, осуществляющих социально значимые виды предпринимательской деятельности, путем снижения налоговых ставок, отмены отдельных налогов, упрощения налоговых режимов⁶.

На наш взгляд, равномерное сочетание фискальной, регулирующей и стимулирующей целей налогообложения является одним из признаков качественного эластичного налогового администрирования, к чему стремятся современные налоговые системы всех государств. А установление приоритета фискальной цели над иными целями налогообложения как раз указывает на односторонность налогового регулирования, тормозящего развитие предпринимательства, и не может служить ориентиром для совершенствования таджикской налоговой практики.

Особенно губительным такой законодательный подход является для малого бизнеса. Постановка фискальной цели во главу угла и ограничение с этой целью свободы индивидуального предпринимателя в части его выбора вида и формы организации предпринимательства означает чрезмерное вмешательство государства в экономические отношения, продиктованное его стремлением удовлетворить свои потребности в финансовом обеспечении посредством дополнительного налогового обременения субъектов малого предпринимательства.

Вместе с тем роль малого предпринимательства в экономике Таджикистана очень велика и определяется даже не столько количественными, сколько качественными характеристиками. Можно сказать, малый бизнес определяет общую

структуру рынка. Он не только значительно развивает сферы предпринимательства на уровне небольшой местности, но и оказывает серьезное конкурирующее давление крупным предпринимателям, препятствуя им односторонне воздействовать на общие условия обращения товаров, работ, услуг на соответствующую

**Вместе с тем
роль малого
предпринимательства
в экономике
Таджикистана очень
велика и определяется
даже не столько
количественными,
сколько качественными
характеристиками**

малом товарном рынке. Малый бизнес обеспечивает население широким выбором рабочих мест, решая тем самым социальную проблему занятости населения, так актуальную для сегодняшних реалий Таджикистана.

К тому же для Республики Таджикистан, как аграрной страны, где сельскохозяйственный сектор экономики занимает одну четверть ВВП и обеспечивает занятость половины рабочей силы страны, развитие и поддержка малого предпринимательства со стороны государства — это основа для улучшения качества жизни половины населения.

Вместо этого указанные выше неадекватные ограничительные меры побуждают индивидуальных предпринимателей активно искать различные способы сокрытия своих доходов, чтобы сохранить льготный налоговый режим. В результате добросовестные предприниматели становятся недобросовестными налогоплательщиками, вынужденными прибегать к различным ухищрениям, чтобы не нести дополнительное налоговое бремя. Ведь сумма в один миллион сомони (составляющая, с учетом сегодняшнего темпа инфляции, меньше ста тысяч долларов), установленная как критерий перехода индивидуального предпринимателя в статус юридического лица, для многих видов индивидуального предпринимательства очень низка и даже может не покрывать все расходы, связанные с ведением бизнеса.

К тому же устанавливая в ст. 289 Налогового кодекса РТ и п. 29 Правил налогообложения индивидуальных предпринимателей, функционирующих на основе патента или свидетельства, известный ограничительный режим, законодатель не предусмотрел в законе обратную ситуацию, когда возможен возврат к льготному режиму налогообложения в случае стабильного превышения валового годового дохода предпринимателя одного миллиона сомони.

Такое положение превращает в формализм все те государственные программы, которые принимаются в республике в целях поддержки и развития малого предпринимательства, и сводит на нет их практическое значение. Исправить ситуацию может отказ государства от вышеуказанных неоправданных ограничительных мер и предоставление предпринимателям право самостоятельно решать вопрос о выборе вида и формы

предпринимательской деятельности. Такая свобода ослабит налоговое бремя малых предпринимателей, позволит многим из них выйти из тени и создаст им оптимальные условия для ведения бизнеса и инновационной активности.

Более того, анализ рассматриваемых ограничений выбора вида и форм организации предпринимательства, установленных налоговым законодательством, невольно заставляет нас задуматься о пределах налогового регулирования. Может ли налоговое законодательство диктовать правила организационно-правового оформления участия хозяйствующих субъектов в предпринимательской деятельности? Думается, этот вопрос – это проблема границ налогового права, которые в последнее время необоснованно расширяются включением в сферу

его регулирования многочисленных «стыковых» групп правоотношений, в том числе связанных и с частным правом. Что касается нашего мнения, то мы расцениваем эти юридические нормы как необоснованное расширение сферы налогового регулирования.

Предмет регулирования налогового права, как подотрасли финансового права, должен ограничиваться только той совокупностью правовых отношений, которые по своей природе требуют специфической формы налогового регулирования. Исходя из традиционного его структурирования, предметом налогового права являются общественные отношения, складывающиеся между государством и налогоплательщиками по поводу установления, исчисления, уплаты и взимания налогов и сборов, а также осуществления налогового

контроля и ответственности за нарушения налогового законодательства. Вопрос же выбора вида и форм организации предпринимательской деятельности – это скорее проблема корпоративного права, нежели налогового права.

Однако, думается, причины такого размывания границ предмета налогового права кроются даже не столько в недостатках законодательной техники и дефектах правовых форм закрепления фискальных притязаний, сколько в экономических и социальных условиях общественной жизни. Вместе с тем любые властные ограничения должны не только быть экономически обусловленными, но и иметь под собой правовое обоснование с соблюдением правил границ предметного регулирования. ■

¹ См.: Белых В.С., Белых С.В. Конституция РФ и правовые основы предпринимательской деятельности // Бизнес, Менеджмент и право. Научно-практический экономико-правовой журнал. – 2015. – № 2 (32). – С. 21.

² См., напр.: Предпринимательское право РФ: Учебник / под ред. Е.П. Губина, П.Г. Лахно. – М., 2003. – С. 118.

³ См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М.: JL, АН СССР, 1948. – С. 20.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 7. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. – С. 78, 82.

⁵ См.: Porky A. The History of Taxation. – London: ABC Press, 1989. – P. 3.

⁶ См.: Российское предпринимательское право: учебник / Д.Г. Алексеева, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. – М.: Проспект, 2011. – С. 608.

Предпринимательская = профессиональная деятельность: pro et contra

Рубцова Н. В., к. ю. н., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Новосибирского государственного университета экономики и управления, доцент кафедры гражданского права Новосибирского юридического факультета (филиала) Томского государственного университета

Аннотация:

Статья посвящена исследованию соотношения предпринимательской и профессиональной деятельности. Анализируются позиции «за» и «против» отождествления указанных видов деятельности. Особое внимание уделяется изучению профессионализма как доктринального сущностного признака предпринимательской деятельности. На основании проведенного исследования сделан вывод о том, что предпринимательская и профессиональная деятельность не могут рассматриваться как тождественные понятия.

Ключевые слова:

предпринимательская деятельность, профессиональная деятельность, профессионализм, доктринальный признак.

Наталья РУБЦОВА

Исследование понятия предпринимательской деятельности занимает существенное место в трудах российских ученых, причем это понятие анализируется как с позиции гражданского, предпринимательского права, так и в публично-правовом аспекте. В свою очередь, термин «профессиональная деятельность» интересует ученых куда реже и очень часто именно такой вид деятельности отождествляется

с предпринимательской. Так, в основополагающем учебнике по предпринимательскому праву, изданному кафедрой предпринимательского права МГУ, предпринимательская деятельность отождествляется с профессиональной¹: профессиональная деятельность рассматривается как «экономическая, хозяйственная, непосредственно тесно связанная с деятельностью предпринимательской». Также и в иной учебной литературе чаще всего профессиональная деятельность рассматривается как предпринимательская, а отличительные особенности профессиональной деятельности и вовсе не выделяются². Однако удвоение терминологии не соответствует задачам законодателя и само по себе является нецелесообразным, затрудняет разработку, анализ, восприятие правовых понятий. И безусловно, введение нового термина в законодательство и научный оборот требует его четкого определения.

«Профессиональная деятельность» может пониматься как минимум в трех смыслах. Во-первых, в самом общем виде профессиональная

деятельность связана с осуществлением работником трудовой функции по определенной профессии: в соответствии со ст. 57 Трудового кодекса РФ³ трудовая функция включает, в числе прочего, работу по определенной профессии, специальности с указанием квалификации. С 2012 г. в ст. 195.1 Трудового кодекса введено понятие профессионального стандарта как характеристики квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции, а Перечень видов профессиональной деятельности⁴ предусматривает описание определенных видов трудовой деятельности (в частности, выделяются образование, здравоохранение, культура, юриспруденция, транспорт и многие другие, всего 34 пункта).

Следующее понимание профессиональной деятельности позволяет рассматривать эту деятельность как предпринимательскую⁵. Так, в соответствии с главой 2 Федерального закона от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ

(ред. от 27.12.2019) «О рынке ценных бумаг»⁶ выделяются такие виды профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, как брокерская, дилерская, деятельность форекс-дилера, деятельность по управлению ценными бумагами, депозитарная деятельность и другие. В Гражданском кодексе РФ также встречаются упоминания о профессиональной деятельности субъектов предпринимательства, в частности, ст. ст. 57, 1062 (профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг), ст. 743 (профессиональная деятельность подрядчика), ст. 886 (профессиональная деятельность хранителя), 946 (профессиональная деятельность страховщика). Такая позиция основана на анализе профессионализма как доктринального признака предпринимательской деятельности, поскольку для успешного ее осуществления недостаточно лишь провозгласить задачу получения прибыли, необходимо уметь квалифицированно, т. е. профессионально выполнять ту или иную деятельность. Для полноценного функционирования предприниматель должен обладать такими качествами, как инициативность, готовность к оправданному риску. Более того, предпринимательство – это непрерывный творческий процесс, ибо при его осуществлении предприниматель генерирует новые идеи, которые могут быть поставлены в один ряд с интеллектуальной собственностью⁷.

Профессионализм как признак предпринимательской деятельности, по мнению ряда исследователей, является одним из основных⁸. Неслучайно в развитии теории предпринимательства существовало несколько направлений, связанных с анализом этого признака. Так, еще в XIX веке французский экономист Ж.-Б. Сэй подчеркивал, что предприниматель – это новатор, носитель технического прогресса, и его

доход является вознаграждением за творческий, рискованный, экспериментальный характер его деятельности⁹. Этот доктринальный признак также рассматривался дореволюционными отечественными исследователями. Так, Г.Ф. Шершеневич ввел категорию промысла, под которым он понимал деятельность, направленную к извлечению дохода посредством какого-либо постоянного занятия. В промышленной деятельности каждая отдельная сделка является особым звеном целого плана, составленного с целью приобретения постоянных доходов¹⁰.

Также признак профессионализма исследуется и современными авторами¹¹ и связывается в первую очередь с необходимостью следовать при осуществлении определенных видов предпринимательства определенным методикам, стандартам. При этом связывать профессионализм предпринимателя с наличием у него определенного уровня образования будет ошибочным: профессионализм сущностно характеризует предпринимательскую деятельность именно с позиции особых свойств, присущих таким субъектам, и связан в первую очередь с особенностями правового регулирования, сочетающего публичные и частноправовые элементы. Так, изготовление продукции часто связано с необходимостью соблюдения определенных технических регламентов, что требует профессионального владения определенными методиками как в процессе производства, так и при оценке полученного результата (продукции). Следовательно, профессионализм характеризует сущность самой предпринимательской деятельности.

И наконец, в последние годы законодателем предложено особое понимание профессиональной деятельности: деятельность адвокатов¹², нотариусов¹³, арбитражных управляющих¹⁴, медиаторов¹⁵, оцен-

щиков¹⁶ названа профессиональной и относится к особому виду социальной деятельности. Такая деятельность требует и отличного правового регулирования. И.В. Ершова отмечает, что переосмысление правовой природы отдельных видов деятельности привело к тому, что произошла «законодательная переквалификация» некоторых видов предпринимательской деятельности в деятельность профессиональную¹⁷. Соответственно предпринимательская и профессиональная деятельности не соотносятся прямо как общее и частное. Профессиональная деятельность, будучи в определенных случаях разновидностью предпринимательской деятельности (например, оценочная, аудиторская), может таковой и не являться. Заметим, что в некоторых правовых порядках профессиональная деятельность понимается исключительно как предпринимательская. Так, в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан профессиональная деятельность входит в предпринимательскую¹⁸. В российском законодательстве ситуация иная: есть виды профессиональной деятельности, которые прямо названы в законодательстве РФ как непредпринимательские. К примеру, прямой запрет заниматься предпринимательской деятельностью предусмотрен в отношении таких видов профессиональной деятельности, как адвокатская, нотариальная. Несмотря на разноплановые виды деятельности, их объединяющим признаком в вышеназванном смысле является то, что определенные субъекты выполняют ряд публичных функций или функций, требующих обеспечения высокой степени объективности и достоверности. Это обеспечивает реализацию прав и свобод человека и гражданина, гарантируемых Конституцией РФ. Именно

поэтому такую деятельность в ряде случаев нельзя отнести к предпринимательской, основным направлением которой является получение прибыли. Так, согласно ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, настоящими Основами защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации. Нотариус реализует публичный интерес, проявляющийся в создании полноценного гражданско-правового оборота, формировании эффективной правовой системы, становлении демократического правового государства¹⁹.

Согласно ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. Осуществление адвокатами как субъектами профессиональной деятельности публичных функций особо подчеркивается в определении Конституционного Суда РФ от 08.02.2011 № 192-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 35 Федерального закона «Об адвокатской деятельности

и адвокатуре в Российской Федерации», где в п. 1 указано, что осуществляя общие для профессионального объединения адвокатов права и интересы, адвокатура и органы адвокатского самоуправления выполняют публично значимые функции, такие как обеспечение прав граждан на получение ква-

В конечном итоге осуществление любой профессиональной деятельности вышеназванными субъектами направлено на реализацию публичных интересов как в процессе, так и по результатам ее осуществления

лифицированной юридической помощи и других конституционных прав, предусмотренных, в частности, статьями 48–54 Конституции Российской Федерации²⁰.

Другие виды профессиональной деятельности также требуют объективности и независимости участников этой деятельности. Более того, эти виды профессиональной деятельности направлены на защиту прав и законных интересов субъектов, разрешение конфликтов, гармонизацию социальных отношений²¹. В частности, аудиторская деятельность основывается на независимой проверке бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица

в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности (ст. 1 Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»²²), оценочная деятельность также направлена на проведение оценки, предусмотренной федеральными стандартами (ст. 3 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»). Арбитражный управляющий, будучи субъектом профессиональной деятельности, осуществляет свои полномочия в целях обеспечения надлежащего, законного проведения процедур банкротства (ст. 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Позиция Конституционного суда РФ связывает деятельность арбитражного управляющего с достижением публично-правовой цели, которая заключается в том, что законодатель посредством деятельности арбитражных управляющих должен гарантировать баланс их прав и законных интересов²³.

В конечном итоге осуществление любой профессиональной деятельности вышеназванными субъектами направлено на реализацию публичных интересов как в процессе, так и по результатам ее осуществления. Исходя из такой аргументации, следует согласиться с позицией В.В. Кваниной о том, что субъекты профессиональной деятельности занимают промежуточное положение между субъектами предпринимательской деятельности и физическими лицами²⁴.

Заметим, что законодатель порой использует в одном нормативно-правовом акте общий термин «профессиональная деятельность» по отношению к разным видам такой деятельности, тем самым смешивая эти виды деятельности, имеющие разные правовые режимы. Так, в части 2 Налогового кодекса РФ²⁵ термин «профессиональ-

ная деятельность» используется для обозначения трудовой деятельности (подп. 2 п. 1 ст. 218, подп. 14 п. 1 ст. 407), разновидности предпринимательской деятельности (ст. ст. 214.1, 298, 299), особого вида деятельности при выполнении публичных функций (подп. 14 п. 3 ст. 149, ст. 430).

На основании проведенного анализа можно сделать следую-

щие выводы. *Профессиональную деятельность* нельзя отождествлять с предпринимательской, законодатель вкладывает разное содержание в указанные термины. При этом соотношение исследуемых понятий не строится по модели «общее-частное»: нельзя однозначно определить, какое из понятий шире или уже. Профессиональная деятельность основывается

на трудовых навыках или связана напрямую с выполнением публично значимых функций, тогда как предпринимательская деятельность имеет экономическое содержание и направлена на получение прибыли, при этом профессионализм относится к сущностным признакам предпринимательской деятельности. **■**

¹ Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.П. Губин, П.Г. Лахно 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юр. норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. – С. 35.

² См., например: Кванина В.В. Защитные институты в сфере предпринимательской и профессиональной деятельности: учебное пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 167 с.; Правовое обеспечение профессиональной деятельности: учебник / А.И. Тыщенко. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. – 221 с.; Румынина В.В. Правовое обеспечение профессиональной деятельности. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 224 с.

³ Сборник законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

⁴ Приказ Минтруда России от 29.09.2014 N 667н (ред. от 09.03.2017) «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.11.2014 N 34779) // <https://minjust.consultant.ru/documents/12318?items=1&page=1> (дата обращения 15.07.2020).

⁵ См. Белих В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 43. Сборник законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

⁶ Иванов А.В. Государственному регулированию предпринимательства – правовую основу // Юрист. – 2002. – № 7. – С. 2.

⁷ См., например: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 2 т. – М.: «Статут», 2003. – Т.1 – С.47; Щенникова Л.В. Предпринимательская деятельность как гражданско-правовая категория // Цивилистские записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. – М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2005. – С.84.

⁸ См. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. Экономические софизмы; Экономические гармонии / Ф. Бастиа. – М.: Дело, 2000. – С.18.

⁹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – С.102.

¹⁰ См., например, Олейник О.М. Понятие предпринимательской деятельности: теоретические проблемы формирования // Предпринимательское право. – 2015. – № 1. – С.12–13.

¹¹ П.2 ст.1 Федерального закона от 31.05.2002 г. №63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Сборник законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

¹² Ст.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462–1) (ред. от 27.12.2019) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

¹³ Ст. 20 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Сборник законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹⁴ П.3 ст.15 Федерального закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Сборник законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

¹⁵ Ст. 3 Федерального закона от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Сборник законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.

¹⁶ Ершова И.В. Развитие учения В.В. Лаптева в современном предпринимательском праве // Творческое наследие академика В.В. Лаптева и современность: Сборник статей. – М.: Институт государства и права Российской академии наук, 2014. – С. 25.

¹⁷ Предпринимательский кодекс Республики Казахстан // <https://online.zakon.kz/Document>

¹⁸ См. Цветков А.С. Публично-правовая природа нотариальной деятельности в Российской Федерации // Современное право. – 2017. – № 11. – С.52.

¹⁹ Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2011. № 2.

²⁰ См. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. К вопросу о гражданско-правовом статусе граждан, занимающихся профессиональной деятельностью, не являющейся предпринимательской // Хозяйство и право. – 2019. – № 10. – С.20. Сборник законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 15.

²¹ П. 3 постановления Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 N 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Сборник законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

²² Кванина В.В. Профессиональная и предпринимательская деятельность // Цивилист. – 2011. – № 2. – С.32.

²³ Сборник законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

Перспективы развития правового регулирования прямых смешанных перевозок в РФ

Бажина М. А., к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского права УрГЮУ,
Щекочихина Е. П., к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского права УрГЮУ

Аннотация:

Статья посвящена основным проблемам, касающимся правового регулирования мультимодальных перевозок в России. Авторы выделяют несколько аспектов, таких как: смешение понятий, используемых в транспортном законодательстве, отсутствие единого документа для применения при мультимодальных перевозках, а также правового регулирования участника, который был бы ответственным за всю перевозку грузов.

Ключевые слова:

мультимодальная перевозка, единый документ перевозки, понятие, экспедитор, экспедитор-принципал, оператор.

Мария БАЖИНА

Вопросы, касающиеся прямых смешанных перевозок, являются предметом многочисленных обсуждений в последнее время. Однако, несмотря на повышенный интерес к этой области транспортного права, остаются неразрешенные проблемы, оказывающие негативное влияние на развитие данной сферы транспортной деятельности. Существующая сегодня временная схема правового регулирования отношений, связанных с перевозками грузов в прямом смешанном сообщении (ст. 788 ГК РФ), страдает

неполнотой регламентации соответствующих правоотношений и не может заменить собой полноценный федеральный закон о прямых смешанных (комбинированных) перевозках. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть перспективы развития правового регулирования прямых смешанных перевозок в Российской Федерации.

В настоящее время Минтранс РФ подготовил уже пять вариантов законопроектов ФЗ «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках»: законопроект от 26 января 2009 г., законопроект от 30 марта 2015 г., законопроект от 21 февраля 2019 г., законопроект от 9 января 2020 г., законопроект от 22 мая 2020 г. Однако ни один из указанных законопроектов не отвечает целям его принятия, а именно: урегулировать основные начала реализации прямой смешанной перевозки. Исходя из их анализа, можно сделать вывод о номинальном правовом регулировании, не адаптированном под российскую правовую действительность и не учитывающим важные положения Конвенции ООН о международных смешанных перевозках грузов от 24 мая 1980 г.¹. Всё

Елена ШЕКОЧИХИНА

это свидетельствует о необходимости комплексного подхода к развитию действующего законодательства о перевозках грузов с участием разных видов транспорта. Можно выделить следующие аспекты, которые должны быть отражены в действующем законодательстве.

1. Прежде всего необходимо четко определить понятийный аппарат. В настоящее время в действующем законодательстве нет четкого разграничения между терминами, используемыми для характеристики смешанных перевозок.

Применение понятий отличается хаотичностью, сумбурностью и порой противоречивостью. В качестве примера можно привести соотношение понятий «мультимодальный», «интремодальный», «комбинированный», «смешанный», «прямой смешанный»². При анализе данных понятий становится очевидным, что нет единого подхода в их трактовании. Связано это с несоблюдением исторических традиций в понимании терминов, а также с лингвистическими особенностями. Так, в официальном переводе наименования международной конвенции ООН International Multimodal Transport of Goods (Конвенция о смешанных перевозках) использовался существовавший в российском законодательстве термин «смешанная перевозка». Следовательно, термин «multimodal transport» был переведен как «смешанная перевозка». При этом в данной конвенции под международной смешанной перевозкой понимается перевозка грузов по меньшей мере двумя разными видами транспорта на основании договора смешанной перевозки из места в одной стране, где грузы поступают в ведение оператора смешанной перевозки, до обусловленного места доставки в другой стране (п. 1 части 1 Конвенции о смешанных перевозках). Однако в законопроекте используется термин «прямая смешанная перевозка», под которой понимается перевозка грузов, в том числе осуществляемая с перегрузкой (перевалкой) грузов в пути следования с одного вида транспорта на другой или без перегрузки груза из транспортного средства, в котором перевозка была начата (комбинированные перевозки в прямом смешанном сообщении), пассажиров, багажа разными видами транспорта, в том числе в железнодорожном-паромном сообщении, по единому транспортному документу, оформленному на весь

путь следования (ст. 2 Законопроекта). Как видно из текста нормы, содержащейся в Законопроекте, определение крайне перегружено. Кроме того, в нем отсутствует один из главных элементов, характеризующих перевозку с участием разных видов транспорта с точки зрения Конвенции о смешанных пере-

Исходя из анализа норм международного акта и Законопроекта происходит смешение сразу нескольких понятий: «прямая смешанная перевозка», «смешанная перевозка» (термин, получивший местожительство в законодательстве при переводе текста Конвенции о смешанных перевозках) и «комбинированная перевозка»

возках, – фигура оператора, ответственного за перевозку. В нем также содержится еще один термин – комбинированная перевозка, который используется в нормативных актах (ст. 788 ГК РФ), но не раскрывается по существу. Исходя из анализа норм международного акта и Законопроекта происходит смешение сразу нескольких понятий: «прямая смешанная перевозка», «смешанная перевозка» (термин, получивший местожительство в законодательстве при переводе текста Конвенции о смешанных перевозках) и «комбинированная перевозка».

Для того чтобы избежать увеличения и дублирования количества

терминов, сделать их использование максимально понятным и доступным, существуют предложения по следующему закреплению определения понятия «прямая смешанная перевозка», а именно: перевозка грузов различными видами транспорта по единому транспортному документу под ответственностью оператора. Такое нормативное определение понятия имеет очень важное значение. Оно дает возможность выявить, какие именно правоотношения будет регулировать нормативно-правовой акт, и избежать путаницы в используемых в практике терминах. Данное понятие сохраняет российскую правовую традицию определения перевозки грузов с использованием нескольких видов транспорта. Еще в дореволюционной России под перевозкой в прямом смешанном сообщении понималась перевозка по единому документу, связывающая перевозчиков солидарной ответственностью.³ Включение фигуры оператора, несущего ответственность по договору прямой смешанной перевозки, решает вопрос ответственности по договору с учетом современных условий совершения такого вида перевозок. Выработка стандартного определения, законодательное закрепление основных международных требований в сфере прямых смешанных перевозок даст толчок к развитию транспортной инфраструктуры.

2. При использовании термина «прямая смешанная перевозка» необходимо использовать только один транспортный документ, так называемый единый транспортный документ. В настоящее время в рамках прямых смешанных перевозок в России не существует такого рода унифицированного документа и, соответственно, отсутствует его правовое регулирование. Вместе с тем при международных перевозках с участием разных видов

транспорта такие документы применяются. Для того чтобы понять принцип действия данного единого транспортного документа, можно обратиться к Правилам Международной федерации экспедиторских ассоциаций⁴, которыми утверждены Стандартные (Общие) условия оборотного коносамента перевозки груза в смешанном сообщении 1992 г.⁵. Данный документ применяется к перевозкам грузов разными видами транспорта с участием экспедитора.

В соответствии с этими Условиями экспедитор является тем лицом, которое осуществляет функции организации перевозки. Одним из документов, который экспедитор может выдать грузоотправителю, является коносамент ФИАТА. Данный коносамент представляет собой разновидность ценной бумаги. Можно выделить несколько групп условий, при которых коносамент ФИАТА может быть выдан. **Во-первых**, следует указать на условия, касающиеся товара (товар должен быть передан в полной исправности и в хорошем состоянии по внешнему виду). **Во-вторых**, необходимо определение условий, связанных со статусом самого экспедитора. С одной стороны, экспедитор как бы замещает грузоотправителя и осуществляет исключительное право распоряжения грузом от своего имени. С другой стороны, он принимает на себя обязанность выполнения смешанной перевозки грузов на всем пути его перемещения от пункта отправления до места назначения, выполняя функции перевозчика. В данном случае экспедитор может владеть собственными транспортными средствами. В случае отсутствия необходимого транспортного средства на части маршрута он может использовать услуги иных перевозчиков. Перевозчик, который выполняет перевозку фактически, является фактическим перевозчиком.

Но экспедитор в отношениях с грузоотправителем остается договорным перевозчиком и является ответственным за надлежащее выполнение условий перевозки. **В-третьих**, следует выделить условия, связанные с оформлением самого коносамента (данные коносамента должны соответствовать данным полученно-

В связи с этим представляется целесообразным подобный международный опыт внедрить при осуществлении прямых смешанных перевозок грузов. Статус данного документа должен быть четко определен на законодательном уровне

го экспедитором поручения грузоотправителя, также должно быть определено количество выпуска оригиналов коносамента ФИАТА).

Если грузоотправитель владеет таким коносаментом ФИАТА, это означает, что он выполнил свои обязательства перед покупателем товара. Предъявив его в банк, он может снять с аккредитива причитающуюся сумму за проданный товар. Это способствует ускорению проведения сделки и, как следствие, более быстрому получению денежных средств продавцом товара. Кроме того, применение такого рода документа имеет определенные логистические преимущества. К ним можно

отнести сокращение документооборота, что делает его более доступным с практической точки зрения; упрощение претензионной работы, улучшение планирования поставок, обеспечение прозрачного контроля.

Еще одним преимуществом такого единого документа, как коносамент ФИАТА, является его единообразие. Это означает, что он содержит единые условия перевозки товаров.

Исходя из указанного выше, использование единого документа имеет определенные преимущества. В связи с этим представляется целесообразным подобный международный опыт внедрить при осуществлении прямых смешанных перевозок грузов. Статус данного документа должен быть четко определен на законодательном уровне.

3. Необходимо определиться с правовым регулированием положения лица, ответственного за осуществление прямой смешанной перевозки. В российском законодательстве отсутствует фигура оператора прямой смешанной перевозки грузов. В определенном смысле можно признать, что часть функций оператора в настоящее время осуществляет экспедитор. В соответствии с действующим законодательством он выполняет или организует за вознаграждение и за счет другого лица выполнение определенных договором транспортной экспедиции транспортно-экспедиционных услуг, связанных с перевозкой грузов. Транспортно-экспедиционные услуги (экспедиционные услуги) – это услуги по организации перевозки груза, заключению договоров перевозки груза, обеспечению отправки и получения груза, а также иные услуги, связанные с перевозкой груза (п. 4 Правил транспортно-экспедиционной деятельности, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2006 г. № 554⁶).

Правовой статус экспедитора определяется положениями главы 41 «Транспортная экспедиция» ГК РФ, Федеральным законом от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»⁷, Правилами транспортно-экспедиционной деятельности, Приказом Минтранса РФ от 11 февраля 2008 г. № 23 «Об утверждении Порядка оформления и форм экспедиторских документов»⁸. Перечень услуг, относящихся к транспортно-экспедиционной деятельности, определяется Национальным стандартом ГОСТ Р 52298–2004 «Услуги транспортно-экспедиторские. Общие требования», утвержденным Приказом Ростехрегулирования от 30 декабря 2004 г. № 148-ст.⁹, который распространяется на *транспортно-экспедиторские услуги, оказываемые транспортно-экспедиторскими* предприятиями при организации перевозок грузов в прямом и смешанном сообщениях. Определение перечня действий, которые вправе выполнять экспедитор при оказании транспортно-экспедиционной услуги, очень важно для понимания границ дозволенного поведения экспедитора. Исходя из формулировки Закона о транспортно-экспедиционной деятельности (ст. 1) и Правил транспортно-экспедиционной деятельности (п. 4), он выполняет или организует услуги, связанные с перевозкой. Классификация транспортно-экспедиторских услуг, оказываемых клиенту экспедитором, дана в п. 3.1. Стандарта. В частности, там сказано, что экспедитор осуществляет организацию и выполнение перевозки грузов. Такого рода деление обязанностей экспедитора содержится и в п. 25 Постановления ВС РФ от 26 июня 2018 г. № 26¹⁰. При выполнении перевозки экспедитор может владеть собственными транспортными средствами (фактически

осуществлять перевозку) или использовать услуги иных перевозчиков (выписать свой транспортный документ, например экспедиторскую расписку, или иным образом выразить намерение гарантировать сохранную доставку груза, в том числе принять на себя ручательство за исполнение договора перевозки), являясь договорным перевозчиком. Экспедитор также может заключить договор перевозки от имени клиента (п. 27 Постановления Пленума ВС РФ № 26).

Одной из сложностей при осуществлении экспедитором своей деятельности является, как уже отмечалось ранее, отсутствие в России единой формы документа для перевозки грузов в прямом смешанном сообщении. Отношения между экспедитором и клиентом оформляются тремя документами. **Во-первых**, поручение экспедитору определяет перечень и условия оказания экспедитором клиенту транспортно-экспедиционных услуг в рамках договора транспортной экспедиции. **Во-вторых**, экспедиторская расписка подтверждает факт получения экспедитором для перевозки груза от клиента либо от указанного им грузоотправителя. **В-третьих**, складская расписка подтверждает факт принятия экспедитором у клиента груза на складское хранение. Экспедиторские документы являются неотъемлемой частью договора транспортной экспедиции. Закон о транспортно-экспедиционной деятельности устанавливает, что в зависимости от характера транспортно-экспедиционных услуг, в том числе при перевозках груза в международном сообщении, сторонами договора транспортной экспедиции может быть определена возможность использования и иных экспедиторских документов. Речь идет, в частности, о документах ФИАТА, один из которых был рассмотрен ранее в качестве

унифицированного документа, применяемого при прямых смешанных перевозках грузов.

Экспедитор несет ответственность перед клиентом в виде возмещения реального ущерба за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза после принятия его экспедитором и до выдачи груза получателю, указанному в договоре транспортной экспедиции, либо уполномоченному им лицу. Размер ответственности определен Законом о транспортно-экспедиционной деятельности (7, 9). Экспедитор может быть освобожден от ответственности, если докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза произошли не вследствие его собственного действия или собственного бездействия, совершенных умышленно или по грубой неосторожности (п. 4 ст. 6 Закона о транспортно-экспедиционной деятельности). Такая ответственность экспедитора за сохранность груза вряд ли соответствует его правовому статусу, который по российскому законодательству недостаточно четко определен. В нем нет разграничений, когда экспедитор действует в качестве перевозчика, а когда – в качестве агента владельца груза. В этой связи возникают определенные трудности в вопросах ответственности.

Более четко статус экспедитора определяется Правилами ФИАТА, в соответствии с которыми экспедитор может действовать как собственнo экспедитор, а может выступать принципалом (фактически речь идет об операторе). Статус экспедитора определяется ФИАТА в зависимости от используемых документов. Всего их восемь, а именно: 1) экспедиторская расписка, 2) экспедиторский сертификат перевозки, 3) оборотный мультимодальный транспортный коносамент, 4) складская расписка, 5) поручение экспедитору, 6) декларация отправителя

о перевозке опасных грузов, 7) необоротная мультимодальная транспортная накладная, 8) интермодальное весовое свидетельство отправителя. Экспедиторы также могут применять нейтральную воздушную накладную. В том случае, если экспедитор действует в качестве агента грузовладельца, заполняются поручение экспедитору, складская расписка, экспедиторская расписка и экспедиторский сертификат перевозки. Особенности груза оформляются интермодальным весовым свидетельством отправителя и декларацией отправителя о перевозке опасных грузов. По этим документам экспедитор не является перевозчиком и не отвечает за действия и упущения третьей стороны (перевозчиков, владельцев и работников складов, стивидоров, портовых властей, портовых работников, других экспедиторов), если проявил должное старание и ответственность при подборе такой третьей стороны, при выдаче ей поручения и при контроле за выполнением его поручения и не отвечает за перевозку. В том случае если экспедитор действует в качестве принципала, оформляется оборотный мультимодальный транспортный коносамент или необоротная мультимодальная транспортная накладная. По этим документам экспедитор выступает в качестве перевозчика и берет на себя ответственность за перевозку груза и за действия любой третьей

стороны, которая привлечена им к перевозке и доставке груза. Экспедитор несет ответственность в качестве принципала не только в тех случаях, когда он фактически осуществляет перевозку своими собственными транспортными средствами (фактический перевозчик), но и тогда, когда экспедитор выписывает свой собственный транспортный документ или когда экспедитор иным образом выразил намерение взять на себя ответственность перевозчика (договорный перевозчик). Ответственность имеет установленные пределы. В их основе лежит транспортное законодательство.

Однако экспедитор не считается ответственным в качестве перевозчика, если клиент-заказчик получил транспортный документ, выписанный другим, нежели экспедитор, лицом. Статус принципала практически полностью соответствует статусу оператора, определенному Конвенцией о смешанных перевозках. Согласно Конвенции о смешанных перевозках оператор означает любое лицо, которое от собственного имени или через другое действующее от его имени лицо заключает договор смешанной перевозки и выступает как сторона договора, а не как агент, или от имени грузоотправителя или перевозчиков, участвующих в операциях смешанной перевозки, и принимает на себя ответственность за исполнение договора (ст. 1). Оператор принимает груз

в свое ведение и обязан доставить его в соответствии с условиями договора. Документ, подтверждающий заключение договора, выдается оператором и может быть оборотным или необоротным по выбору грузоотправителя (ст. 6, 7 Конвенции о смешанных перевозках). Оператор несет ответственность по договору не только за действия своих служащих или агентов, но и любого другого лица, которого он привлечет для исполнения договора.

Исходя из статуса экспедитора, действующего в качестве принципала, и статуса оператора, можно сделать вывод, что международное законодательство достаточно четко определяет правовое положение лица, которое действует в качестве перевозчика по договору экспедиции или договору прямой смешанной перевозки грузов. При этом экспедитор, который не является по договору перевозчиком, имеет иной статус. Закрепление такого разграничения способствует четкому пониманию сторонами прав и обязанностей сторон по договору экспедиции.

Исходя из вышеизложенного, эффективное осуществление прямых смешанных перевозок возможно только при введении такой фигуры, как экспедитора-принципала или оператора перевозки, статус которого должен быть четко разграничен с иными участниками перевозочного процесса. ■

¹ СПС «КонсультантПлюс». Данная Конвенция не вступила в силу. Однако на практике ее положения применяются к такого рода договорам. (Далее – Конвенция о смешанных перевозках).

² Так, ряд авторов указывает на то, что понятие «мультимодальная перевозка» и «прямая смешанная перевозка» («смешанная перевозка») используются как синонимы (например, Морозов С.Ю. Транспортное право: учебник для вузов. – М., Юрайт. 2020. – С. 155). Другие считают, что «комбинированные», «интермодальные» и «мультимодальные» перевозки являются видовыми понятиями смешанных перевозок (например, Ерыплева, Н.Ю. Правовое регулирование международных смешанных комбинированных перевозок / Н.Ю. Ерыплева, И.В. Гетьман-Павлова // Транспортное право. 2006. № 4).

³ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права/по изд. 1914 г., – М., 1994. Фирма «СПАРК». – С.219–220.

⁴ International Federation of Freight Forwarders Associations (FIATA) – международная неправительственная организация, объединяющая национальные экспедиторские ассоциации 150 стран мира. (Далее – FIATA).

⁵ Данные правила были разработаны Международная федерация экспедиторских ассоциаций (ФИАТА) на основании публикации ЮНКТАД/МТП № 481. Указанные условия применяются при выдаче мультимодального транспортного коносамента (МТК), опосредующего заключение договора смешанной перевозки груза.

⁶ РГ. 2006. № 203. (Далее – Правила транспортно-экспедиционной деятельности).

⁷ СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2701. (Далее – Закон о транспортно-экспедиционной деятельности).

⁸ Зарегистрировано в Минюсте РФ 28 февраля 2008 г. Регистрационный № 11239.

⁹ СПС «КонсультантПлюс». (Далее – Стандарт).

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс». (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 26).

Проблемы реализации опционов в корпоративных сделках

Михалев К. А., к. ю. н., преподаватель кафедры гражданского права УрГЮУ,

Витман Е. В., к. ю. н., доцент кафедры гражданского права УрГЮУ,

Брюхов Р. Б., к. ю. н., доцент кафедры гражданского права УрГЮУ

Аннотация:

Статья посвящена анализу практических вопросов реализации корпоративных опционов, возникших после закрепления данной конструкции в российском гражданском праве. Исследуются проблемы механизма реализации опциона акций непубличных обществ; отчуждения предмета опциона третьему лицу; условий совершения распорядительной сделки.

Ключевые слова:

корпоративное право; опцион; Единый государственный реестр юридических лиц; акция; доля в уставном капитале.

1. Постановка вопроса.

Опцион на заключение договора, получивший признание в тексте Гражданского кодекса в ходе реформы общих положений обязательственного права (ст. 429.2 ГК РФ), представляет собой соглашение о выдаче безотзывной оферты, дающей обладателю опциона потенциальное (вторичное) право заключить договор на объявленных условиях.

Сфера использования опционов широка, но чаще всего они востребованы в корпоративном праве, поскольку позволяют добиваться самых разных целей: определять условия инвестирования; устанавливать механизм разрешения корпоративных конфликтов; обеспечивать возможность установления корпоративного контроля; разрабатывать стимулирующие программы и т. д.

К числу основных декларируемых удобств конструкции опциона относятся оперативность его реализации (правовой эффект создается действиями самого обладателя опциона) и, соответственно, независимость реализации от воли оферента. В настоящей статье мы рассмотрим вопросы реализации опциона и возможные трудности,

с которыми может столкнуться его обладатель.

2. Механизм реализации опционов на акции непубличных обществ.

2.1. Безотзывный характер любой оферты предполагается (ст. 436 ГК РФ), поэтому практическая ценность особой опционной конструкции во многом зависит от приспособленности к ней законодательства об отдельных объектах гражданских прав.

Специальные нормы об опционах были включены только в Закон об обществах с ограниченной ответственностью (абз. 4–6 п. 11, п. 14 ст. 21 Закона об ООО).

Акционерное законодательство же осталось в этом вопросе нетронутым. Ранее принятые нормативные акты, определяющие порядок совершения операций в реестре акционеров (прежде всего Положение о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг № 27¹ и приказы ФСФР № 13–65/пз-н и № 10–53/пз-н²), особенностей совершения опционных сделок не знали. С 21.08.2017 г. действует новое Положение ЦБ о требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра, однако оно носит рамочный

характер и упоминаний об опционах не содержит³.

2.2. В непубличных акционерных обществах для проведения в реестре операции по смене обладателя акций (ст. 29 Закона о рынке ценных бумаг) реестродержатель должен получить заполненное и подписанное обеими сторонами передаточное распоряжение, составленное по определенной форме. Такой механизм перехода права понятен и привычен для «обычных» сделок, не осложненных конструкциями вроде опциона.

Однако обладатель опциона заинтересован в том, чтобы совершить акцепт и заключить сделку без участия оферента. При этом, очевидно, речь идет не столько об обязательственной, сколько о распорядительной сделке (это хорошо заметно на примере изменений в ст. 21 Закона об ООО, ибо нотариальное удостоверение требуется только для распорядительной сделки⁴). В противном случае может возникнуть необходимость замещать отсутствующую волю оферента судебным решением. Подобные случаи принудительной реализации опционов, заключенных до появления ст. 429.2 ГК РФ, можно обнаружить

в судебной практике⁵. Судебная процедура не может быть призвана удовлетворительным средством решения проблемы, поскольку это, во-первых, долго, во-вторых, дорого, а в-третьих, не всегда предсказуемо.

Поэтому на практике стороны прибегали к разнообразным ухищрениям: например, при опционе «колл» подписывали передаточное распоряжение уже в момент оферты или оформляли доверенность от имени оферента с правом подписывать передаточное распоряжение (на самого обладателя опциона или аффилированного к нему лица).

2.2.1. Первый вариант был основан на толковании п. 5, 7.3 Положения № 27, согласно которым передаточное распоряжение может сдать как лицо, передающее акции, так и лицо, на лицевой счет которого они должны быть зачислены. В этом случае необходимо произвести сверку подписи на распоряжении и в анкете зарегистрированного лица либо заранее озаботиться удостоверением подлинности подписи на распоряжении у нотариуса или гарантией профессионального участника рынка ценных бумаг (п. 7.3, 8 Положения № 27; п. 5.5 Приказа ФСФР № 10–53/пз-н; п. 3.21 Приказа ФСФР № 13–65/пз-н).

Конечно, это паллиативное и совершенно неязичное решение.

Во-первых, возникает ряд проблем чисто технического характера (риск отказа в совершении операции при проведении сверки подписи; необходимость регулярного обновления анкеты зарегистрированного лица и возможность изменения подписи в ней; внутренние ограничения в правилах конкретного регистратора и т. д.).

Во-вторых, почти исключаются сделки со сложной структурой (например, если по условиям соглашения акцепт возможен только после наступления определенного

обстоятельства⁶; если предмет договора является альтернативным или делимым⁷; если стороны предусмотрели механизм *tag along* и т. д.).

2.2.2. Второй вариант делает акцент зависимым от действий оферента, который может отменить доверенность. В этом смысле опцион должен дополняться конструкцией безотзывной доверенности, уже известной гражданскому законодательству. Но и здесь не все гладко. В п. 1 ст. 188.1 ГК РФ указано, что обязательство, в целях исполнения которого выдается безотзывная доверенность, должно быть связано с осуществлением предпринимательской деятельности. Всякие ли корпоративные правоотношения по поводу оборота акций носят предпринимательский характер? Мнения исследователей в этом вопросе разошлись⁸.

К сожалению, нотариусы выбрали довольно консервативное и ограничительное толкование приведенной нормы: согласно п. 11.1 Методических рекомендаций по удостоверению доверенностей⁹ представляемым по безотзывной доверенности может быть только коммерческая организация или индивидуальный предприниматель (хотя это толкование не учитывает правила п. 3 ст. 23 ГК РФ). В свою очередь, нам пришлось на практике столкнуться с мнением регистратора, который отказался принимать безотзывную доверенность, увидев в ней указание на статус индивидуального предпринимателя. Аргумент был использован весьма формалистский: мол, в реестре акционер числится как физическое лицо, а не как индивидуальный предприниматель.

Иная проблема, отмеченная в литературе, – сохранение за представляемым возможности осуществлять свои права лично или, например, оформить иную доверенность

с правом подписания передаточных распоряжений¹⁰. Представитель может попробовать выговорить в доверенности отказ представляемого от осуществления соответствующих прав. Однако возможность установления вытесняющего полномочия без специального указания закона обоснованно ставится под серьезное сомнение¹¹.

Для представляемого безотзывная доверенность представляет опасность на случай, если опцион не простой (с правом на акцепт в любое время), а усложненный различными условиями, поскольку только представитель будет решать – наступили ли те или иные обстоятельства (как объективного, так и субъективного свойства).

Сказанное не перечеркивает саму возможность использования безотзывной доверенности, но усложняет выстраивание хорошо работающей модели.

2.3. Другой способ решения проблемы автоматизации исполнения по опциону – это привлечение профессиональных посредников, контролирующих соблюдение сторонами условий сделки и обеспечивающих переход права на акции после акцепта.

2.3.1. В момент введения опциона в текст Гражданского кодекса наиболее понятным вариантом казалось участие нотариуса. По ст. 87 Основ законодательства о нотариате (в ред. до 01.06.2018 г.) в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон, денежные средства или ценные бумаги могли быть внесены в депозит нотариуса. Нотариусу мог быть открыт специальный депозитный лицевой счет, весьма похожий на счет номинального держателя¹², операции по которому (кроме предоставления информации и списания со счета нотариуса) блокируются (п. 9 ст. 8.2 Закона о рынке ценных бумаг, п. 6.1 Приказа ФСФР

№ 10–53/пз-н). Списание на лицевой счет кредитора предполагалось в том числе посредством передаточного распоряжения, подписанного нотариусом и скрепленного его печатью (п. 6.2 этого же Приказа). Теоретически передача должником акций нотариусу и их последующее списание по требованию кредитора могло опосредовать безотзывную оферту и акцепт.

Проблем у названного способа было достаточно, и, насколько можем судить, широкого распространения он не получил.

Во-первых, следует учитывать консерватизм нотариусов, не желающих связываться с экзотичными просьбами принять в депозит акции по соглашению сторон, и тем более осуществлять распорядительную сделку при наличии каких-либо споров между сторонами. Как показывает практика, любой спор между участниками соглашения приведет к тому, что нотариус предложит им решать свои проблемы в суде.

Во-вторых, господствовало мнение, по которому «принятие денег и ценных бумаг в депозит нотариуса не должно носить характер коммерческого посредничества»¹³.

В-третьих, имелось противоречие между ст. 88 Основ законодательства о нотариате и п. 3 ст. 327 ГК РФ в части права должника забрать обратно имущество с депозита. Судя по разъяснениям Верховного Суда РФ (п. 55 Постановления Пленума от 22.11.2016 г. № 54), приоритет был отдан Гражданскому кодексу, позволяющему должнику забрать имущество, но с оговоркой – лишь до момента поступления заявления кредитора о его получении. Нет смысла специально разъяснять, почему данное решение не подходило для опционов.

2.3.2. В 2018 г. правила о депозитном счете нотариуса подверглись изменению¹⁴, в результате которых

в части передачи нотариусу бездокументарных ценных бумаг на основании соглашения должника и кредитора приоритет имеют правила гражданского законодательства об эскроу-агенте.

По договору условного депонирования (эскроу) депонент обязуется передать на депонирование

**То есть по своей
юридической
конструкции эскроу
вполне подходит для
реализации опционов,
хоть и имеет
некоторые ограничения
(например,
срок действия
не более 5 лет)**

эскроу-агенту имущество (в том числе бездокументарные ценные бумаги) в целях исполнения обязательства депонента по его передаче бенефициару, а эскроу-агент обязуется обеспечить сохранность этого имущества и передать его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований (ст. 926 ГК РФ).

Эскроу-агентом может быть любое лицо, а не только нотариус, что существенно расширяет круг возможных посредников (банки, юридические и аудиторские фирмы, брокеры, регистраторы и т. п.). На агентов может быть возложена договорная обязанность проверить как документы (по внешним признакам),

подтверждающие основания для передачи имущества, так и наличие оснований для передачи имущества бенефициару – в том числе совершение бенефициаром или третьим лицом предусмотренных соглашением действий, наступление срока или некоего события (п. 2 ст. 926, ст. 926.3 ГК РФ).

То есть по своей юридической конструкции эскроу вполне подходит для реализации опционов, хоть и имеет некоторые ограничения (например, срок действия не более 5 лет).

В литературе высказана следующая позиция: обеспечить сохранность депонированных акций и их переход бенефициару может только регистратор (депозитарий), выступающий в роли эскроу-агента¹⁵.

Действительно, кажется вполне естественным привлечение эскроу-агентом лица, которое и так отвечает за учет ценных бумаг и проведение операций по лицевым счетам. В этой ситуации не требуется открывать специальный счет и зачислять акции на него, поскольку запись об эскроу вносится по лицевому счету самого депонента. Также стороны могут рассчитывать на беспристрастность регистратора и соблюдение им правил совершения операций по лицевым счетам.

Вместе с тем п. 10.1 ст. 8.2 Закона о рынке ценных бумаг предусматривает возможность открытия лицевого счета (счета депо) эскроу-агенту, который не является держателем реестра (депозитарием). На этот счет на основании распоряжения депонента зачисляются ценные бумаги. В дальнейшем регистратор руководствуется распоряжениями эскроу-агента, который и проводит – наступили ли основания для реализации опциона. Эскроу-агенты, не являющиеся регистраторами (депозитариями), но которым доверяют депонент и бенефициар, могут

быть более гибкими при согласовании условий реализации опциона и механизма проверки наступления обстоятельств для перехода прав на акции.

В настоящий момент именно привлечение эскроу-агента кажется наиболее жизнеспособным вариантом «автоматической» реализации опциона на акции (без необходимости получения отдельного волеизъявления должника).

2.3.3. Также можно обсудить механизм передачи акций по исполнительной надписи нотариуса (п. 1 ст. 90 Основ законодательства о нотариате) на нотариально удостоверенном соглашении о выдаче опциона¹⁶. Данная процедура подходит в том числе для сделок, в которых исполнение обязательства зависит от наступления срока или выполнения определенного условия (ст. 91.1 Основ законодательства о нотариате).

Препятствием могут служить обозначенные в ст. 91 Основ законодательства о нотариате условия совершения исполнительной надписи.

Прежде всего представленные для совершения надписи должны подтверждать бесспорность требований взыскателя (п. 1 ст. 91 Основ). Критерий бесспорности ранее фигурировал в судебной практике применительно к обращению взыскания на заложенное имущество по исполнительной надписи: по абз. 2 п. 21 Постановления Пленума ВАС от 17.02.2011 № 10 сам по себе факт поступления нотариусу возражений должника или залогодателя относительно обязательства, обеспеченного залогом, или обращения взыскания на предмет залога уже исключает бесспорность. И если работоспособность обращения взыскания на заложенное имущество была повышена путем введения четких условий совершения исполнительной надписи и оснований для отказа (ст. 94.3, 94.4 Основ), то возможное обращение

акцептанта по опциону может натолкнуться на отказ со стороны нотариуса даже при представлении документов, предусмотренных ст. 91.1 Основ. Конечно, ни о какой гарантированной «автоматической» реализации опциона не может быть и речи.

Вторым условием совершения исполнительной надписи является

**Прежде всего
представленные для
совершения надписи
должны подтверждать
бесспорность
требований взыскателя
(п. 1 ст. 91 Основ)**

соблюдение заявителем срока – не более двух лет со дня, когда обязательство должно было быть исполнено (п. 2 ст. 91 Основ). Нетрудно заметить, что эта формулировка рассчитана на «обычные» обязательства, в которых праву кредитора противостоит обязанность должника с определенным сроком исполнения. Секундарному праву обладателя опциона активная обязанность не противостоит, поэтому названный срок трудно совместить с опционом.

3. Отчуждение третьему лицу из-под «опциона-колл».

3.1. Поскольку в опционных сделках моменты оферты и акцепта

разорваны во времени (порой значительно), то при модели «опциона-колл» появляется риск отчуждения оферентом акций или долей участия в ООО в этот промежуток. Возникают вопросы:

а) имеет ли опцион эффект обременения доли или акций;

б) каковы последствия их отчуждения на сторону до момента акцепта.

3.2. Любопытный материал для размышления дают гражданские кодексы Франции и Румынии, в которых тоже сравнительно недавно появились нормы об опционах.

3.2.1. В рамках реформы договорного права Франции¹⁷ с 1 октября 2016 г. в тексте Гражданского кодекса (далее – ФГК) закреплены специальные положения о соглашениях о преимущественном праве покупки (*pre-emption agreements*) и об односторонних обещаниях (*unilateral promise*), призванные защитить правомерные ожидания обладателя права на акцепт.

В первом случае (§ 1123 ФГК) речь идет о привилегии воспользоваться правом преимущественной покупки имущества в случае его продажи. Вторая же конструкция более похожа на классический опцион. Согласно § 1124 ФГК одностороннее обещание порождает контракт, в котором, во-первых, бенефициар наделен правом (*option*) заключить договор, существенные условия которого определены заранее, а во-вторых, единственным недостающим элементом является согласие бенефициара. Последующий отказ от обещания не влияет на возможность акцепта (до появления этой нормы практика Верховного Суда Франции оставляла несостоявшемуся акцептанту только право на взыскание убытков). Более того, договор, нарушающий одностороннее обещание, является действительным, если третье лицо

(интервент) знало о факте существования такого обещания¹⁸.

3.2.2. Гражданский кодекс Румынии 2011 года (далее – РГК), в отличие от использованной в ФГК терминологии, разделяет опционное соглашение и одностороннее обещание (§ 1278, 1279, 1668 РГК). Последнее очень похоже на обязанность по предварительному договору о заключении договора в будущем.

Применительно к проблеме отчуждения имущества, являющегося предметом опциона, в литературе обсуждаются два варианта¹⁹.

Первый вариант основан на идее о том, что обладатель опциона не получает вещного права, поэтому не может следовать за отчужденным имуществом, а должен добиваться возмещения убытков с контрагента. В свою очередь, третье лицо, ставшее собственником, защищено от исков обладателя опциона. Исключениями, однако, могут быть случаи недобросовестного или безвозмездного приобретения.

Второй вариант исходит из того, что отчуждение из-под опциона действительно, причем независимо от упречности поведения третьего лица. Обоснование – наличие в опционном договоре подразумеваемого условия о неотчуждаемости имущества (*implied inalienability clause*), в силу которого имущество не может менять собственника в период действия опциона (*frozen property*).

3.3. Нормы ГК РФ об опционах не содержат специальных норм, посвященных рассматриваемому вопросу, поэтому следует обратиться к общим положениям.

3.3.1. Правила об оферте и акцепте исходят из той идеи, что оферта создает некоторую связанность для оферента (см., например, п. 2 ст. 435 ГК РФ), в силу которой адресат может акцептовать оферту, а оферент обязать претерпевать заключение договора. Соответственно,

на этой стадии возможные нарушения со стороны оферента касаются только такой связанности (неправомерный отзыв оферты; активное воспрепятствование получению акцепта), но не более того. Если до заключения договора оферент произведет отчуждение обещанного предмета, то это не скажется на возмож-

**Первый вариант.
Обязанность
не отчуждать
актив органически
присуща всем
обязательственным
соглашениям,
предполагающим
отчуждение имущества**

ности акцепта, но повлечет неисполнение обязанности по заключенному договору.

То есть обладатель лишь права на акцепт никаких прав в отношении предмета договора (ни вещных, ни обязательственных) еще не имеет.

3.3.2. Однако, как уже отмечалось выше, «опцион-колл» нужен не столько ради того, чтобы иметь возможность заключить обязательственный договор (для этого вполне достаточно общих положений о заключении договора), сколько для беспрепятственного получения права на актив. В этом смысле «опцион-колл», в отличие от обычной оферты, создает правомерные ожидания

у его обладателя в отношении самого предмета договора. Можно сказать, что подразумеваемое условие об обязанности не отчуждать актив вытекает из существа данного опциона; специально прописывать его в тексте соглашения не требуется. Если это утверждение верно, то возможны такие варианты рассуждений.

Первый вариант. Обязанность не отчуждать актив органически присуща всем обязательственным соглашениям, предполагающим отчуждение имущества. Нарушение обязанности приводит в действие правила о двойной продаже (для вещей – ст. 398 ГК РФ), которые определяют: кто получит актив, а кто – лишь требование об убытках к своему должнику. Никакого вещного эффекта у подобной обязанности нет²⁰.

Как следствие, третьих лиц обязательство не отчуждать имущество вообще не затрагивает. В законченном виде данная идея сформулирована в § 48 Кодекса европейского договорного права (ЕЦП) – «обязательство одной стороны не отчуждать вещь, полученную от другой стороны, имеет силу только в отношениях договаривающихся сторон, независимо от добросовестности или недобросовестности третьего лица»²¹.

Впрочем, существует и теории, позволяющие использовать элементы абсолютной защиты относительных прав²² (например, концепция *tortious interference with contract*, которая позволяет адресовать иск об убытках или об оспаривании сделки интервенту, знавшему о наличии обязательства перед пострадавшим и сознательно перехватившему актив²³). Вопрос о возможности выбора любого из этих способов (убытки или оспаривание) по усмотрению кредитора остается открытым.

В российском праве при желании можно обнаружить нормы,

позволяющие рассуждать о выведении общего принципа: если сторона по сделке знает о том, что нарушает ограничения по распоряжению имуществом, наложенные на контрагента (внутренние или внешние), сделка может быть признана недействительной (п. 6 ст. 67.2, ст. 173, ст. 173.1, ст. 174, п. 3 ст. 253, п. 2 ст. 382 ГК РФ). Особняком стоит п. 2 ст. 174.1 ГК РФ, поскольку арест имущества создает особый вид залога (п. 5 ст. 334 ГК РФ).

Под указанное ограничение можно подвести право обладателя опциона на получение имущества в собственность (*ius ad rem* – еще не вещное, но уже действующее против недобросовестного третьего лица²⁴). В самом деле, если ограничения на распоряжение долями участия могут быть предметом корпоративного договора (п. 1 ст. 67.2 ГК РФ), для которого действует режим оспоримости при недобросовестности приобретателя, то было бы весьма странно отказать опциону в подобном эффекте.

Не стоит, однако, преувеличивать ценность потенциального иска об оспаривании – необходимость доказывания осведомленности ответчика о наличии неопубликованного опциона сделает иск применимым только в самых явных случаях.

Интересно, что в судебной практике можно обнаружить случаи, в которых суды основывали вывод о недействительности сделки как нарушающей обязательство не отчуждать имущество.

Например, в деле, рассмотренном судом ХМАО-Югры²⁵, желавший получить жилищную субсидию ответчик подписал с Администрацией города Нягань соглашение о передаче другой квартиры в муниципальную собственность. По условиям соглашения ответчик обязался не отчуждать квартиру иному лицу, однако, получив субсидию, нарушил

договоренности и продал квартиру внучке по символической цене. Суд признал сделку недействительной (не указав, однако, конкретный состав недействительности) и сослался на п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ (общий принцип добросовестности).

По-видимому, такая практика является скорее исключением, чем

В литературе уже справедливо отмечалось, что в России нет возможности путем совершения записей в реестрах довести до всех третьих лиц информацию об обязательстве не отчуждать акции

правилом. С ней сосуществуют судебные акты, в которых обязанность не отчуждать имущество вообще отвергается как нарушающая ст. 209 ГК РФ²⁶.

Второй вариант: актив не подлежит отчуждению, поскольку опцион обременяет предмет соглашения по модели абсолютного права (вроде *Zurechnung* или «права приобретения чужой вещи» *Anwartschaftsrecht*²⁷) или «реального обязательства» *Real obligationen* (обязательство, «усиленное» вещно-правовыми элементами²⁸).

Это позволяет обсуждать не только возможную недействительность отчуждения, но и право следо-

вания у обладателя опциона (по модели п. 2 ст. 174.1 ГК РФ). Очевидным возражением является отсутствие соответствующей нормы закона и традиционный для российского права принцип *numerus clausus*, что не дает возможности защищать опционное право от всех третьих лиц.

3.4. Оба варианта предполагают как минимум информирование всех третьих лиц о существовании условий «опциона-колл», что может быть сделано путем внесения специальной отметки в реестры (например, в Румынии, Швейцарии опционы в отношении недвижимости подлежат регистрации в поземельной книге²⁹). Крайне желательно, чтобы отметка содержала подробные условия соглашения, поскольку иногда опцион может не запрещать отчуждение при определенных обстоятельствах.

В литературе уже справедливо отмечалось, что в России нет возможности путем совершения записей в реестрах довести до всех третьих лиц информацию об обязательстве не отчуждать акции³⁰. В отношении долей в ООО пп. «д» п. 1 ст. 5 Закона о регистрации юридических лиц предписывает отражать в ЕГРЮЛ информацию «о передаче долей или частей долей в залог или об ином их обременении», но в реальности внести отметку об опционе не получится³¹, поскольку нормативной базы для признания его обременением нет. По другой норме – пп. «л.2» п. 1 ст. 5 этого же Закона – в ЕГРЮЛ указываются сведения о наличии корпоративного договора, предусматривающего ограничения и условия отчуждения долей (акций). Насколько можно судить, технической возможности раскрывать стороны и конкретные условия договора не имеется. Интересно, что защитный эффект от такой отметки все же появляется на техническом уровне, поскольку бдительный

нотариус не удостоверит сделку по отчуждению долей, не видя текста корпоративного договора, сведения о котором имеются в ЕГРЮЛ.

Наконец, известные Гражданскому кодексу универсальные реестровые отметки – о возражении прежнего обладателя права и о наличии судебного спора (п. 7 ст. 8.1 ГК РФ) – также не подходят для опционов.

3.5. На практике для того, чтобы «заморозить» акции оферента, можно прибегнуть к услугам эскроу-агента в лице регистратора, поскольку требование обеспечить сохранность имущества приводит к блокировке операций по счету. Для долей в обществах с ограниченной ответственностью часто используется сочетание опциона изалога. Последний обеспечивает не просто информирование третьих лиц, а полноценную блокировку любых распоряжений, на которые не получено согласие залогодержателя, и даже возможность реализации залогодержателем корпоративных прав (ст. 358.15 ГК РФ).

Возникает вопрос: возможно, не стоит изобретать какие-либо особые отметки, если обладатель опциона может выговорить залог, опубликовать его и тем самым гарантировать свой интерес? По этой мысли кредитор, который не может добиться залога, не заслуживает права контролировать действия должника по распоряжению предметом опциона. Дополнительным аргументом мог бы служить п. 5 ст. 334 ГК РФ, который придает аресту (ключевым элементом которого является запрет на распоряжение) силу залога.

Полагаю, ответ все же должен быть отрицательным.

Во-первых, залог – это резерв, за счет ценности которого кредитор удовлетворяется, если им не получено основное предоставление (не возвращен заем; не оплачена купленная

вещь и т. д.). В примере с залогом по опционному соглашению иного предоставления, кроме предмета опциона, как правило, нет.

Во-вторых, любой залог (в том числе возникший из ареста) обособляет имущество должника, которое кредитор может в будущем использовать для своего удовле-

На практике для того, чтобы «заморозить» акции оферента, можно прибегнуть к услугам эскроу-агента в лице регистратора, поскольку требование обеспечить сохранность имущества приводит к блокировке операций по счету

творения. Залоговое право устанавливает специальные правила об обращении взыскания на заложенное имущество. Кредитор по опциону не нуждается в таких правилах, поскольку механизм получения имущества и так предусматривается опционным соглашением. Получается, что залог используется не по назначению: вместо обращения взыскания кредитор снимает залог и заявляет об акцепте. Конечно, гвозди можно забивать и микроскопом, как писал классик, но вряд ли стоит.

В-третьих, многие правила залогового права не обеспечивают той свободы приобретения имущества, которую дает опцион (например,

нормы о цене имущества при обращении взыскания; последствиях утраты или ухудшения предмета залога; невозможности внесудебного порядка обращения взыскания при наличии иного залога и другим порядком обращения взыскания и т. д.).

4. Возможность совершения распорядительной сделки.

4.1. Продажа имущества до реализации опциона – не единственная проблема, связанная с разрывом во времени между офертой и акцептом. Дело в том, что в момент акцепта должна состояться распорядительная сделка (перенос права). Распорядительная сделка имеет свои условия действительности, в частности, наличие у отчуждателя распорядительной власти, то есть правовой власти распоряжаться субъективным правом³². Принадлежность долей или акций еще не гарантирует полноту распорядительной власти.

Обладателю опциона (в данном случае «опциона-колл») важно понимать, как и в какой момент будет устанавливаться наличие распорядительной власти, поскольку отсутствие такой власти делает недействительным переход права.

4.2. Прежде всего распорядительная сделка запрещается (а при совершении – признается недействительной) в силу введения в отношении оферента процедуры банкротства (п. 1 ст. 174.1 ГК РФ), даже если стороны подразумевали автоматический эффект перехода права (определение ВС РФ от 06.10.2016 г. № 305-ЭС16-8204). Справедливость данного запрета сомнений не вызывает. Вопросы правового положения обладателя опциона в деле о банкротстве оферента тесно связаны с проблемами учета неденежных требований и идеологии выделения привилегированных очередей,

которые выходят за пределы настоящего исследования.

Другим классическим случаем отсутствия распорядительной власти является арест или иной запрет на распоряжение. В этой ситуации возникает конкуренция между обладателем опциона и лицом, в пользу которого наложен запрет. Действующий закон решает конкуренцию в пользу последнего, давая ему вне банкротства залог и право следования (п. 5 ст. 334, п. 2 ст. 174.1 ГК РФ), ограничивая этот эффект только против неосведомленного приобретателя. Ни внесение отметки об опционе в реестр, ни даже арест, наложенный по иску самого обладателя опциона (с учетом п. 97 ПП ВС РФ от 23.06.2015 № 25), не будут препятствовать появлению залога и последующей реализации вещи с распределением вырученных средств в пользу кредитора по обязательству, добившегося ареста. Справедливость такого решения вызывает серьезные сомнения, однако до момента нормативного придания опционам отдельных вещно-правовых свойств (см. п. 3.3.2 настоящей статьи) на практике придется мириться с данным риском.

4.3. Предотвратить банкротство оферента или наложение ареста на его активы обладатель опциона не может. Но он заинтересован в совершении всех проверочных действий, гарантирующих возможность беспрепятственного получения актива.

В частности, нотариус при удостоверении безотзывной оферты в отношении долей в обществах с ограниченной ответственностью (составляется отдельным документом или внутри соглашения о выдаче опциона) совершает все те проверочные действия, что и при удостоверении обычной купли-продажи, но может уменьшить их объем

исходя из существа конкретной сделки (п. 2.2.6, 2.2.11 Методического пособия по совершению нотариальных действий в отношении долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью³³). Например, не нужно проверять принадлежность долей оференту, если их приобретение планируется лишь в будущем.

Предотвратить банкротство оферента или наложение ареста на его активы
обладатель опциона не может. Но он заинтересован в совершении всех проверочных действий, гарантирующих возможность беспрепятственного получения актива

Представим, что нотариус добросовестно совершил проверочные действия (изучил устав общества, получил необходимые согласия третьих лиц и т. п.). Означает ли это, что обладатель опциона может чувствовать себя спокойно? Оказывается, нет, поскольку и в момент удостоверения акцепта нотариус будет заново совершать все проверочные действия, но уже без каких-либо ограничений и поблажек для заявителя (п. 2.2.16 Методического пособия).

Результаты новой проверки в ряде случаев неприятно удивят обладателя опциона. В период действия опциона могли произойти суще-

ственные изменения в проверяемых нотариусом обстоятельствах, например: 1) поступление долей в совместную собственность; 2) изменение режима общего имущества супругов в отношении долей³⁴; 3) корпоративные изменения (в том числе появление новых участников общества, новая редакция устава и т. п.), ставящие вопрос о необходимости соблюдения преимущественного права покупки у других участников или у самого общества; 4) введение уставом общества, доли в уставном капитале которого являются предметом опциона, запрета на отчуждение долей третьим лицам или необходимости получения согласия иных участников; 5) изменение дееспособности оферента; 6) признание недействительным решения собрания участников оферента об одобрении выдачи опциона (например, если сделка является крупной); 7) изменения размера или номинальной стоимости доли и т. д.

Методическое пособие подливает масла в огонь, настойчиво рекомендуя нотариусу проверять неизменность состава участников для целей получения согласия участников на сделку или соблюдения преимущественного права покупки (п. 2.2.17).

Правила оборота акций в этом смысле более лояльны к обладателю опциона-колл, но и тут необходимо исследовать правомерность исполнения передаточного распоряжения, имея в виду возможные будущие споры о признании сделки недействительной.

4.4. Полагаем, что решение вопроса о правомерности распорядительной сделки при указанных выше обстоятельствах должно каждый раз учитывать полноту распорядительной власти и специфику иных возможных ограничений на совершение сделки. Общей направленностью рассуждений мы видим

максимальное сохранение у опциона свойства внесудебной исполнимости.

4.4.1. Прежде всего необходимо выделять ограничения, не связанные с полнотой распорядительной власти отчуждателя. Например, если к моменту акцепта приобретателем является хозяйственное общество, состоящее из одного лица, а offerent окажется единственным участником общества, доли в котором продаются, то реализация опциона окажется невозможной из-за правила «1-1-1»³⁵ (п. 2 ст. 66 ГК РФ). Преодолеть это техническое ограничение можно только изменением состава участников приобретателя.

4.4.2. Другая группа ограничений связана с изменениями правоспособности отчуждателя после выдачи опциона, но до акцепта (ограничение дееспособности, признание недееспособным, смерть). В теории гражданского права вопрос не является однозначным, но основные аргументы «за» и «против» хорошо известны³⁶. Мы полагаем, что подобные изменения не должны служить препятствием для акцепта исходя как из выраженной при жизни (и посему предполагаемой *mortis causa*) воли, так и связывающей силы опциона. Свою часть сделки offerent совершает в момент выдачи опциона, а ее дальнейшая судьба должна зависеть уже от волеизъявления обладателя секундарного права. Следовательно, и наличие дееспособности у offerenta как атрибута распорядительной власти тоже не обязательно устанавливать лишь на дату оферты.

4.4.3. Также необходимо учитывать случаи появления после выдачи опциона субъектов, имеющих преимущественные права или право давать согласие на совершение сделок с долями в уставном капитале (участники общества, супруги). В настоящий момент, если исходить

из логики упомянутого Методического пособия, нотариус с высокой долей вероятности откажет в удостоверении акцепта.

Полагаем, что учет баланса интересов причастных к сделке лиц требует иного решения. Прежний аргумент – о совершении отчуждателем всех зависящих от него действий в момент выдачи оферты – сам по себе уже недостаточен, поскольку речь идет об интересах сторонних по отношению к сделке лиц. С другой стороны, нельзя не заметить, что появление таких лиц в гораздо большей степени находится в сфере контроля отчуждателя и иных участников общества, нежели приобретателя. Полагаем, что стандарт добросовестного поведения отчуждателя предписывает ему предупреждать сторонних лиц об уже выданном опционе (если речь о супруге или иных участниках в случае изменения устава). Значит, перенесение на приобретателя последствий недобросовестного поведения отчуждателя неправильно (п. 3–4 ст. 1 ГК РФ), кроме случаев, когда обладатель опциона сам является участником общества и в равной степени мог озаботиться информированием потенциальных участников о состоявшейся выдаче опциона.

Кроме того, лица, купившие долю в уставном капитале у участника, ранее давшего согласие на сделку (или отказавшегося от преимущественного права), могут считаться связанными волеизъявлением прежнего участника. Тогда акцепт будет возможен, а недовольные участники могут предъявлять претензии своему продавцу.

Есть более предпочтительный вариант – давать возможность совершения распорядительной сделки лишь по опубликованному в ЕГРЮЛ опциону (что позволяет информировать всех заинтересованных лиц об условиях уже выданного

опциона). Однако, как уже отмечалось (п. 3.4. настоящей статьи), в настоящий момент такой технической возможности нет.

4.4.4. В силу п. 4 ст. 429.2 ГК РФ в соглашении о предоставлении опциона предмет может быть как определенный, так и определяемый на момент акцепта. Тем не менее если в договоре жестко указаны конкретные параметры передаваемого актива (например, доля в уставном капитале 50% номинальной стоимостью 5000 руб.), то их изменение ставит вопрос о возможности совершения распорядительной сделки, особенно если из существа договора не следует, что отчуждение происходит по принципу «все доли, принадлежащие offerentu». Полагаем, что совершение акцепта при изменении размера или номинальной стоимости доли возможно до того момента, пока не затрагиваются интересы иных лиц, не участвующих в сделке. Так, если в описанном предмете в результате увеличения уставного капитала доля offerenta размывается с 50% до 5% с сохранением номинальной стоимости, то сама возможность реализации опциона должна сохраняться. Другое дело, что обладателю опциона вряд ли будет интересно приобретение доли, утратившей корпоративный контроль, на прежних условиях. Любые возникающие в связи с этим споры (о взыскании убытков, об оспаривании притворных сделок и корпоративных решений) будут решаться уже в суде. Значит, цель автоматизации исполнения опциона не будет достигнута.

4.4.5. Наконец, к моменту акцепта могут отпасть (лишиться действия) юридические факты, создающие необходимые для распоряжения правом условия. К примеру, соглашение о выдаче опциона может быть признано недействительным по иску участника общества-offerenta.

В отсутствие ярко выраженного принципа абстракции недействительность обязательственной сделки будет безусловно препятствовать совершению распорядительной.

Выводы.

По результатам нашего краткого исследования можно сделать следующие выводы. Оптимальным

вариантом структурирования опциона-колл в отношении акций является привлечение эскроу-агента (желательно, самого регистратора). Менее надежный вариант – использование безотзывной доверенности. Проблема отчуждения долей или акций из-под опциона может быть решена приданием опциону статуса обременения и отражением

полной записи об условиях опциона в ЕГРЮЛ. В настоящий момент на практике сторонам приходится прибегать к использованию негодного средства – залога. При определении наличия у offerenta распорядительной власти на момент акцепта следует стремиться к максимальному сохранению у опциона свойства внесудебной исполнимости. ■

- ¹ Постановление ФКЦБ РФ от 02.10.1997 г. № 27. Документ утратил силу с 21.08.2017 г. (указание Банка России от 27.12.2016 г. № 4254-У).
- ² Приказы ФСФР России от 30.03.2013 № 13–65/пз-н, от 29.07.2010 № 10–53/пз-н. Последний документ утратил силу с 21.08.2017 г. (п. 8.2 Положения о требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг, утв. Банком России 27.12.2016 г. № 572-П).
- ³ См. Положение о требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг, утв. Банком России 27.12.2016 г. № 572-П.
- ⁴ См. п. 5 Рекомендаций НКС при ФАС Уральского округа (по итогам заседания, состоявшегося 31 марта – 01 апреля 2010 года в г. Кургане).
- ⁵ См., например, решение АС Ставропольского края от 19.01.2015 г. по делу № А63-9751/2014; постановление 1 ААС от 28.02.2017 г. по делу № А11-3028/2016.
- ⁶ Поскольку подписанное сторонами передаточное распоряжение находится на руках у обладателя опциона, он может нарушить соглашение, не дожидаясь наступления условия.
- ⁷ К примеру, будет сложно реализовать так называемый *chooser option* (дающий выбор между исполнением опциона пут или опциона колл на одинаковых условиях) или опцион, по которому лицо может приобрести все акции, которые будут принадлежать offerentu на момент акцепта.
- ⁸ См.: Беседин Р.А. Безотзывная доверенность в гражданском праве: автореф. дис... канд.юрид.наук. М., 2014. С. 7; Глушецкий А.А. Корпоративный договор по-новому. Задачи и типовые ситуации, которые можно решить с его помощью // Юрист компании. – 2014. – № 12. – С. 17–26; Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность. Постатейный комментарий к главам 9–12 / Б.М. Гонгало, А.В. Демкина, М.Я. Кириллова и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. – М., 2013 (автор комментария к ст. 188.1 – Б.М. Гонгало).
- ⁹ Методические рекомендации по удостоверению доверенностей (утв. Решением Правления Федеральной нотариальной палаты 18 июля 2016 г. (протокол № 07/16)) // СПС «Консультант Плюс».
- ¹⁰ Кудряшова Е.О. Исполнение соглашений о предоставлении опциона на заключение договора купли-продажи акций непубличных акционерных обществ // Вопросы российского и международного права. – 2018. – № 8. – С. 33.
- ¹¹ Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. – М., 2016. – С. 18–19.
- ¹² См.: Плехотко К.К. Проблемы обеспечения прав владельцев ценных бумаг при внесении должным ценных бумаг в депозит нотариуса // Нотариус. – 2013. – № 4. – С. 11–13.
- ¹³ Настольная книга нотариуса: в 4 т. / Е.А. Белянская, Р.Б. Брюхов, Б.М. Гонгало и др.; под ред. И.Г. Медведева. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, – 2015. – Т. 2: Правила совершения отдельных видов нотариальных действий. – С. 530.
- ¹⁴ Федеральные законы от 23.05.2018 г. № 119-ФЗ и 120-ФЗ.
- ¹⁵ Кудряшова Е.О. Использование договора условного депонирования (эскроу) для надлежащего исполнения соглашений о предоставлении опциона на заключение договора купли-продажи акций непубличных акционерных обществ // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». – 2019. – № 3. – С. 46–50.
- ¹⁶ В частности, такая идея была высказана на научном круглом столе «М-Логос» 17.09.2018 г. «Опционы и опционные договоры в отношении акций или доли в ООО».
- ¹⁷ См. описание основных идей реформы (на английском языке): Catala P. Proposals for Reform of the Law of Obligations and the Law of Prescription (translated by J. Cartwright and S. Whittaker) // URL: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/rapporcatatla0905-anglais.pdf. Краткий обзор реформы (на русском языке): Маковская А.А. Реформа договорного права во Франции. Новые положения Гражданского кодекса Франции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 8. – С. 76–101.

- ¹⁸ В законопроекте десятилетней давности предлагалась несколько иная норма: отчуждение из-под опциона не затрагивает прав бенефициара, кроме действия любых правил, защищающих добросовестную третью сторону (§ 1106 проекта).
- ¹⁹ См.: Mocanu L. The Legal Regime of the Unilateral Promise Regarding the Sale Contract // URL: http://cks.univnt.ro/uploads/cks_2016_articles/index.php?dir=02_privat_law%2F&download=CKS+2016_private_law_art.033.pdf; Radulescu T.V. The Option Agreement in the New Romanian Civil Code // Perspectives of Business Law Journal. 2012. Vol. 1. Iss. 1 (November 2012). P. 265–266.
- ²⁰ Хвостов В.М. Система римского права. М., 1996. С. 242.
- ²¹ European Contract Code // URL: <http://www.eurcontrats.eu/site2/docs/EuropeanContr.pdf>.
- ²² См.: Силицын С.А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. – 2015. – № 1. – С. 7–44.
- ²³ Усачева К.А. Незаконное вмешательство третьего лица в чужие договорные отношения // URL: <http://zakon.ru/Tools/DownloadFileRecord/502>; Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 11. – С. 24–80; № 12. – С. 24–73.
- ²⁴ Шевцов С.Г. Правовые последствия продажи одной вещи нескольким покупателям // Арбитражная практика. 2002. № 10. С. 10.
- ²⁵ Апелляционное определение суда ХМАО-Югры от 04.04.2016 г. по делу № 33–2372/2016 // СПС «Консультант Плюс».
- ²⁶ Например, определение ВАС РФ от 15.07.2011 г. № ВАС-8942/11.
- ²⁷ Усачева К.А. Указ. соч. С. 10–11; Емелькина И.А. Вещные «ожидаемые права» в гражданском праве России и зарубежных стран // Вестник гражданского права. – 2010. – № 6. – С. 35–57.
- ²⁸ Величко В.Е. Договор как основание возникновения преимущественных прав. – Томск, 2016. – С. 54–55.
- ²⁹ Величко В.Е. Указ. соч. С. 54, 66; Ilie U. Option Agreement and the Promise to Contract as Established in the New Romanian Civil Code // Revista de Derecho de la Pontificia Universidad Católica de Valparaíso XL (Valparaíso, Chile, 2013, 1er Semestre). P. 105.
- ³⁰ Карапетов А.Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 3. – С. 62.
- ³¹ Янковский Р.М. Конвертируемый заем: договорная модель и проблемы регулирования // Закон. – 2017. – № 11. – С. 184–192.
- ³² См.: Егоров А.В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. – 2019. – № 6. – С. 51–107; Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. – М., 2007.
- ³³ Методическое пособие по совершению нотариальных действий в отношении долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью (утв. Решением Правления МГНП от 22.07.2016, Протокол № 13) // СПС «Консультант Плюс».
- ³⁴ Следует отметить непоследовательность законодательного регулирования: отчуждение из совместной собственности долей в уставном капитале ООО требует нотариального согласия другого супруга (п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ), а вот акций – нет (п. 2 ст. 35 СК РФ). В первом случае согласие супруга должно быть явно выражено, во втором – предполагается.
- ³⁵ Хозяйственное общество не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица.
- ³⁶ Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Заключение договора // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 5. – С. 60–104; Марков П.В. Может ли offerent пережить offerenta, или Memento mori при заключении договора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 9. – С. 143–171.

Проблемы совершенствования антимонопольного законодательства в условиях цифровой экономики: спорные вопросы теории и практики

Белых В.С., заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета, д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ,
Коньков К.А., к. ю. н., преподаватель кафедры предпринимательского права УрГЮУ,
Болобонова М.О., преподаватель кафедры предпринимательского права УрГЮУ

Аннотация:

В статье анализируются актуальные проблемы применения антимонопольного законодательства в условиях цифровой экономики. Рассматриваются такие проблемы правового регулирования деятельности цифровых платформ, определение доминирующего положения на цифровых рынках. Авторы обозначают направления совершенствования антимонопольного законодательства в указанной сфере.

Ключевые слова:

цифровые платформы, цифровые рынки, антимонопольное регулирование, сетевые эффекты, антимонопольный комплаенс, большие данные, доминирующее положение, «пятый антимонопольный пакет».

Изменения экономики последних лет неизбежно приводят к пересмотру подходов к антимонопольному регулированию на товарных и финансовых рынках. Радикальные изменения в технологическом пространстве, инновационной и экономической экосистемах, культурных ценностях и общественных паттернах, копившиеся еще со времен последнего мирового кризиса, привели к ряду знаковых сдвигов в мировой повестке:¹ от относительно конкурентного состояния основных мировых рынков к повсеместной экономической концентрации и монополизации в ключевых отраслях за счет использования цифровых платформ и контроля важнейших массивов данных и технологий.²

Цифровая экономика определяется в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов

и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Безусловно к сфере цифровой экономики относятся рынки, на которых сферой обращения товара является сеть Интернет и (или) самим товаром являются товары, услуги, работы, которые возможно реализовывать исключительно в цифровом виде³. При этом, как мы видим, с развитием технологии распределенного реестра границы между классами активов постепенно стираются и цифровым активом может являться любой базовый актив (неограниченный в обороте товар, услуга/работа и пр).

В качестве рынков финансовой цифровой экономики называются традиционные финансовые услуги, включая банковские, страховые услуги, услуги на рынке ценных

бумаг, услуги, оказываемые финансовой организацией и связанные с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц, реализация которых осуществляется при помощи обработки больших объемов цифровых данных и в сети Интернет⁴. Таким образом, антимонопольное законодательство под товаром понимает в том числе финансовую услугу.

Одним из центральных понятий в сфере антимонопольного регулирования становится понятие «цифровая платформа».

В настоящее время цифровые платформы являются основной и определяющей технологией цифровой экономики⁵. Цифровые платформы представляют собой своего рода типовую организационную макроединицу в современной цифровой среде (как условное место формирования отношений с использованием сетей связи, прежде всего сети Интернет), в рамках которой

образуется особый режим взаимодействий — экосистема, претендующая на самостоятельный правовой статус и, соответственно, режим правового регулирования. Несмотря на широкий видовой спектр платформ и на то, что при использовании цифровых платформ формируются правоотношения разнообразного характера, взаимодействие в рамках платформы порождает типичные правовые проблемы и подпадает под несколько ключевых сфер правового регулирования: законодательство о защите данных и о защите прав потребителей, антимонопольное регулирование, право интеллектуальной собственности, юрисдикционные аспекты, инвестиционные аспекты и стимулирование бизнеса в цифровой среде, протекционизм субъектов — резидентов национального рынка и пр. Как отмечает лауреат Нобелевской премии по экономике профессор Джозеф Стиглиц, «предполагалось, что глобализация приведет к более конкурентным рынкам, но вместо этого она создала условия для возникновения глобальных гигантов, которые используют свою рыночную власть для извлечения рентных доходов с разных сторон рынка, за счет малых предприятий и потребителей.»⁶ Журнал «The Economist» в статье «Как приручить технических титанов», выпущенной в 2018 году, указывает, что крупные технологические платформы, в частности Facebook, Google и Amazon, вызывают беспокойство о честной конкуренции. Титаны не просто конкурируют на рынке, все чаще они являются самим рынком, предоставляя инфраструктуру (или «платформы») для большей части цифровой экономики. Указанные компании могут использовать свою власть для защиты и расширения своего господства в ущерб потребителям, отдающим им свои данные. Задача государства состоит

в том, чтобы сдерживать их без чрезмерного подавления инноваций.

Платформы стали настолько доминирующими, потому что они получают выгоду от «сетевых эффектов». Размер порождает размер: чем больше продавцов, скажем, может привлечь Amazon, тем больше покупателей будет делать покупки там,

**Европейская комиссия
определяет цифровые
платформы и экосистемы
вокруг них как ключевой
инструмент в поддержке
инноваций и роста**

что привлекает больше продавцов и так далее. Тем не менее барьеры для входа на рынок растут. Традиционные способы борьбы с монополиями не работают, поскольку большинство продуктов технологических гигантов бесплатные. Разрушение монополий приведет к тому, что потребители пострадают, поскольку технологическая отрасль станет менее динамичной.⁷

Европейская комиссия определяет цифровые платформы и экосистемы вокруг них как ключевой инструмент в поддержке инноваций и роста.⁸

В литературе выделяют следующую классификацию цифровых

платформ в зависимости от их функций⁹:

а) транзакционная платформа — это технология (продукт, сервис), которая выступает в роли посредника или доверенной стороны, облегчая транзакции между участниками рынка;

б) инновационная платформа — площадка, служащая фундаментом, на котором другие участники, слабо организованные в инновационную экосистему, разрабатывают комплексные технологии, продукты и сервисы;

в) интегрированная платформа — это технология (продукт, сервис), которая объединяет в себе транзакционную и инновационную составляющие. К этой категории можно отнести такие компании, как «Эпл» («Apple») и «Гугл» («Google»), имеющие площадки AppStore и PlayMarket и большую экосистему независимых разработчиков, обеспечивающих наполнение платформы контентом;

г) инвестиционная платформа — площадка, состоящая из компаний, которые разработали стратегию портфельного владения платформами и действуют как холдинговая компания или активный инвестор в платформы.¹⁰

Следующей ключевой задачей антимонопольного правотворчества является нормативное определение количественных и качественных критериев доминирующего положения хозяйствующих субъектов в эпоху цифровых технологий.

В основе современной рыночной экономики решающую роль играют технологии (в первую очередь цифровые технологии), информация, цифровые и информационные платформы, интеллектуальная собственность. Однако отдельные стандартные категории действующего антимонопольного регулирования не могут быть эффективно применены

в этих условиях. Негативным эффектом этого становится злоупотребление доминирующим положением.

Много вопросов на практике в условиях цифровизации экономики и появления новых моделей бизнеса возникает в связи с рассмотрением дел о злоупотреблении доминирующим положением на финансовых и товарных рынках.

Как известно, наличие определенной доли рынка не свидетельствует однозначно о доминирующем положении хозяйствующего субъекта¹¹. При этом проблемы применения количественного критерия неизбежно приводят к выводу о повышении роли качественных критериев определения доминирующего положения. Однако и они в существующем виде не отвечают специфике.

Антимонопольное законодательство, а также Приказ № 220 предполагает использование ограниченного перечня критериев, которые применяются антимонопольным органом при определении доминирующего положения. Развитие цифровой экономики вынуждает разрабатывать иные, альтернативные критерии. К таким альтернативным критериям можно отнести сетевые эффекты и режим доступа к большим данным.

Таким образом, необходимо уточнение требований к запретам злоупотребления доминирующим положением в части использования данных (информации) и цифровых платформ для монополистической деятельности, а также требований к запретам антиконкурентных соглашений (согласованных действий), в том числе картельных, и незаконной координации экономической деятельности, осуществляемых с помощью цифровых алгоритмов и платформ.

Очевидно, требуются разъяснения в вопросах квалификации

действий компаний, использующих в своей деятельности технологии распределенного реестра в целях учета активов, проведения сделок с активами (товарами, услугами), если они занимают доминирующее положение на товарном рынке, по установлению различных цен на один и тот же товар, который мо-

Много вопросов на практике в условиях цифровизации экономики и появления новых моделей бизнеса возникает в связи с рассмотрением дел о злоупотреблении доминирующим положением на финансовых и товарных рынках

жет быть представлен в виде токена (цифрового актива), при этом особую сложность представляет само определение факта доминирующего положения подобных компаний.

Кроме того, требуется установление рекомендаций и примеров в проект «белой и черной книг» проконкурентных и антиконкурентных практик.

Стоит признать предлагаемые в пятом антимонопольном пакете критерии для признания положения хозяйствующего субъекта, владеющего цифровой платформой, доминирующим, неудовлетворительными. Учитывая неопределенность понятий «цифровая платформа»

и «сетевой эффект», установление соответствующих критериев в настоящий момент выглядит преждевременным, что отмечено во многих публикациях и Заключении об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции».

В науке высказываются и подходы, согласно которым цифровые рынки вообще не нуждаются в антимонопольном регулировании. Так, А. С. Вороженич отмечает, что «на рынке обеспечивается инновационное развитие, стимулируется разработка новых технологий, активная коммерциализация разработки. <...> В антимонопольном регулировании в такой ситуации нет необходимости. Государственное вмешательство может лишь дестабилизировать рынок, что в конечном итоге негативным образом скажется на потребителях»¹².

Итак, обозначенные проблемы ставят перед антимонопольным регулированием задачу переориентирования с количественных показателей рынка на качественные: наличие барьеров входа, наличие альтернативных путей для доступа к конечным потребителям, уровень инноваций. Необходима тщательная разработка доктрины сетевого эффекта с анализом его проконкурентных и антиконкурентных характеристик. Во внимание должно быть принято, что сетевой эффект – не безусловно отрицательный фактор для конкуренции. В связи с этим необходимо принять меры к разработке возможности создания специального перечня критериев доминирующего положения на цифровом рынке.

Возникновение явно антиконкурентного поведения владельцев баз данных привело к смещению фокуса внимания при работе с большими данными с защиты

персональных данных на обеспечение конкурентной среды. В связи с многочисленными возможностями злоупотреблений режим доступа к большим данным становится предметом исследования антимонопольных ведомств. Так, во Франции квалифицирован как злоупотребление доминирующим положением отказ компании продавать базу данных клиентам, которые используют программное обеспечение конкурента.

В этой связи следует отметить, что в секторе цифровой экономики действует не свободная конкуренция, а монополии. Сдерживание монополий традиционными методами невозможно и неэффективно. Наравне с товарными и финансовыми рынками внимания требуют технологические рынки, валютой на которых являются данные, оставляемые пользователями (Большие пользовательские данные). В связи с высокими барьерами входа на цифровой рынок, вызванными тем, что сбор и анализ больших данных — технологически сложный процесс, проведение которого могут себе позволить цифровые гиганты, вопрос обмена большими данными требует регулирования. Кроме того, необходима разработка инструментов снижения барьеров для входа стартапов на цифровые рынки.

Иначе говоря, необходимо приведение правил контроля экономической концентрации в соответствие с условиями цифровой экономики, в том числе в части концентрации больших массивов данных как средства монополизации и учета сетевых эффектов цифровых платформ, а также функционирования глобальных цепочек создания стоимости и эффектов для инновационного развития.

В числе других задач, направленных на совершенствование антимонопольного законодательства, можно выделить разработку механизма противодействия злоупотреблению использованием цифровых технологий, в том числе образованию картелей, основанных на цифровых алгоритмах, а также уточнение правил

**Антимонопольный
комплаенс представляет
собой систему мер
организационно-
управленческого
характера, которые
предпринимаются
компанией для
минимизации
рисков нарушения
антимонопольного
законодательства**

определения географических и товарных границ рынков в условиях цифровой экономики.

Учитывая, что цифровизация экономики сопряжена с рисками нарушения прав потребителей, незаконного использования персональных данных, нарушением законодательства о защите конкуренции, важное значение в указанных условиях приобретает антимонопольный комплаенс.

Так, в 2020 г. вступили в силу изменения в Закон о защите конкуренции¹³, в соответствии с которыми введено понятие антимонопольного

комплаенса и определены требования к организации внедрения этой системы для хозяйствующих субъектов.

Антимонопольный комплаенс представляет собой систему мер организационно-управленческого характера, которые предпринимаются компанией для минимизации рисков нарушения антимонопольного законодательства.

В свою очередь, антимонопольный комплаенс является частью цифрового комплаенса, который, как мы полагаем, должен быть организован компаниями, деятельность которых связана с активным использованием информационных технологий.

Таким образом, учитывая правовые ограничения развития цифровой экономики в сфере антимонопольного регулирования, необходимо совершенствование терминологического аппарата конкурентного законодательства и уточнение ряда базовых понятий в указанной сфере. Цифровые и информационные технологии переворачивают представления экономической теории о рыночной власти. Новые бизнес-модели в условиях цифровой экономики основаны на развитии цифровых экосистем, поддерживаемых цифровыми платформами. Отставание экономической, и как следствие, правовой науки от реальной жизни, все более наполненной сервисами цифровых платформ, приводит к нарастанию проблем правоприменения. В этой связи амбициозной задачей антимонопольных органов сегодня является противодействие нарастающей угрозе монополизации цифровых рынков с одновременным сохранением их инновационного потенциала. ■

Список использованной литературы.

Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под науч. ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2018.

Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта // Экономический журнал ВШЭ. – 2007. – № 4. – С. 562–610.

Ворожеевич А.С. Антимонопольный иммунитет для интеллектуальной собственности в России при построении цифровой экономики: отменить или сохранить? // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 19. – Март 2018 г. – С. 55–70.

Кешелава А.В. Предмет цифровой экономики и роль цифровых инструментов (дата обращения 20.06.2020) http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/485/DE-2019-02-13.pdf

Развитие регулирования: новые вызовы в условиях радикальных технологических изменений XX. Доклад НИУ ВШЭ. – Москва, 2019 г. (дата обращения: 19.06.2020).

Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / К.Т. Анисина, Б.Г. Бадмаев,

И.В. Бит-Шабо и др.; под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019 // СПС «Консультант Плюс».

Финансовое право в условиях развития цифровой экономики // СПС «Консультант Плюс».

Stiglitz J. Towards A Broader View of Competition Policy // Competition Policy for the New Era: Insights from the BRICS Countries / eds. Tembinkosi Bonakele, Eleanor Fox, Liberty Mncube. Oxford University Press, 2018.

How to tame the tech titans // The Economist. 20.01.2018 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.economist.com/leaders/2018/01/18/how-to-tame-the-tech-titans> (дата обращения: 19.06.2020).

Digital Single Market: Bringing Down Barriers to Unlock Online Opportunities <https://ec.europa.eu/commission/priorities/digital-single-market_en>;

Online Platforms and the Digital Single Market. <<http://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselec/ldseucom/129/129.pdf>> (дата обращения: 18.06.2020).

Evans P.C., Gawer A. The Rise of the Platform Enterprise // The Center for Global Enterprise. 2016. <http://www.thecge.net/wp-content/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf> (дата обращения: 20.06.2020).

¹ Развитие регулирования: новые вызовы в условиях радикальных технологических изменений XX. Доклад НИУ ВШЭ. – Москва. – 2019 г. – С 45. (дата обращения: 19.06.2020).

https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004575/4%20%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf

² Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под науч. ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. <<https://id.hse.ru/books/218207502.html>>; UNCTAD Trade and Development Report 2017. UN, Geneva. <<https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=1852>> (дата обращения: 29.06.2020).

³ Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / К.Т. Анисина, Б.Г. Бадмаев, И.В. Бит-Шабо и др.; под ред. И.А. Цинделиани. – М.: Проспект, 2019 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Финансовое право в условиях развития цифровой экономики // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Кешелава А.В. Предмет цифровой экономики и роль цифровых инструментов (дата обращения 20.06.2020) http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/485/DE-2019-02-13.pdf

⁶ Stiglitz J. Towards A Broader View of Competition Policy // Competition Policy for the New Era: Insights from the BRICS Countries / eds. Tembinkosi Bonakele, Eleanor Fox, Liberty Mncube. Oxford University Press, 2018.

⁷ How to tame the tech titans // The Economist. 20.01.2018 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.economist.com/leaders/2018/01/18/how-to-tame-the-tech-titans> (дата обращения: 19.06.2020).

⁸ Digital Single Market: Bringing Down Barriers to Unlock Online Opportunities. <https://ec.europa.eu/commission/priorities/digital-single-market_en>; Online Platforms and the Digital Single Market. <<http://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselec/ldseucom/129/129.pdf>> (дата обращения: 18.06.2020).

⁹ Evans P.C., Gawer A. The Rise of the Platform Enterprise // The Center for Global Enterprise. 2016. <http://www.thecge.net/wp-content/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf> (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁰ Развитие регулирования: новые вызовы в условиях радикальных технологических изменений XX. Доклад НИУ ВШЭ. – Москва. – 2019 г. – С 45. (дата обращения: 19.06.2020).

https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004575/4%20%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf

¹¹ Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта // Экономический журнал ВШЭ. – 2007. – № 4. – С. 562–610.

¹² Ворожеевич А.С. Антимонопольный иммунитет для интеллектуальной собственности в России при построении цифровой экономики: отменить или сохранить? // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 19. – Март 2018 г. – С. 55–70.

¹³ Федеральный закон от 01.03.2020 № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции».

Правовое регулирование оборота данных в деятельности цифровых платформ: спорные вопросы теории и практики

Болобонова М. О., преподаватель кафедры предпринимательского права УрГЮУ,
Хрупалов В. А., магистрант кафедры предпринимательского права УрГЮУ.

Аннотация:

Статья посвящена вопросу правового регулирования «больших данных». Дается определение «больших данных», рассматривается их соотношение с персональными данными и информацией в целом. Выделяются разновидности больших данных, сферы их использования, анализируются основные проблемы, возникающие по поводу их использования. Раскрываются основные модели правового регулирования больших данных, обмена данными и трансграничного оборота данных в зависимости от вида цифровых платформ.

Ключевые слова:

большие данные, персональные данные, цифровые платформы, цифровая экономика, антимонопольное регулирование, «пятый антимонопольный пакет», трансграничный оборот данных, обмен данными.

В условиях цифровизации экономики и повсеместного использования информационных технологий рост цифровых экосистем и цифровых платформ, с одной стороны, имеет положительный экономический и социальный эффект, с другой – способствует возникновению рисков для отдельных отраслей экономики, бизнеса и инновационных стартапов в сфере обработки данных и обеспечения информационной безопасности. Так, обладание большими данными является источником злоупотреблений в цифровой экономике, такие злоупотребления могут выражаться в навязывании контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора; в создании дискриминационных условий; в экономически или технологически не обоснованных отказе либо уклонении от заключения договора¹. К проблемам в указанных областях относятся также отсутствие прозрачности в отношении того, как операторы цифровых платформ используют генерируемую платформой информацию, вопросы владения данными, их использования и доступа к ним, что влияет

Легальное определение понятия «большие данные» в отечественном правовом регулировании на сегодняшний день не сформировано. Отклонен законопроект № 571124–7 О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

на обеспечение надлежащих и сбалансированных договорных отношений между поставщиками услуг и бизнес-пользователями, что важно для стимулирования инвестиций, а также на соблюдение прав пользователей². В этой связи проблемы правового регулирования больших

данных, особенно в деятельности цифровых платформ, имеют важное значение.

Легальное определение понятия «большие данные» в отечественном правовом регулировании на сегодняшний день не сформировано. Отклонен законопроект № 571124–7 О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором вводилось следующее понятие Больших данных: «большие пользовательские данные – совокупность не содержащей персональных данных информации о физических лицах и (или) их поведении, не позволяющая без использования дополнительной информации и (или) дополнительной обработки определить конкретное физическое лицо, собираемой из различных источников, в том числе сети «Интернет», количество которых превышает тысячу сетевых адресов»³.

Большие данные А. И. Савельев определяет как динамически изменяющийся массив информации, который представляет собой ценность в силу своих больших объемов и возможности эффективной

и быстрой обработки автоматизированными средствами, что, в свою очередь, обеспечивает возможность его использования для аналитики, прогнозирования и автоматизации бизнес-процессов⁴. А.И. Савельев предлагает выделение двух групп Больших данных: 1) промышленные большие данные формируются без участия человека технологическими устройствами и показывают состояние данного автоматизированного оборудования (показания температуры, атмосферного давления, данные о перемещениях технических объектов); 2) большие пользовательские данные создаются человеком при использовании сети Интернет и содержат характеристики его поведения.

Таким образом, мы видим, что большие данные прежде всего являются постоянным потоком объемов информации, поступающих из разных источников. Источниками потока данных являются технические источники, создающие основную часть новой информации и включающие в том числе искусственный интеллект, машинное обучение и интернет вещей, в том числе промышленный интернет вещей, с помощью которого направляется информация от устройств аудиовидеорегистрации, измерительных комплексов, различных приборов учета и пр. Вторую группу источников составляют **социальные источники**, в том числе **социальные медиа, коммерция, здравоохранение**⁵.

Для цифровой экономики значение имеют именно большие пользовательские данные, поскольку за счет сбора и анализа данных о поведении человека в сети Интернет коммерческие организации могут получать большую прибыль. И если раньше большие пользовательские данные рассматривались в основном в их связи с законодательством о персональных

данных⁶, то сейчас фокус смещается на использование больших данных хозяйствующими субъектами при осуществлении предпринимательской деятельности. Вызвано это в том числе разработкой так называемого «пятого антимонопольного пакета» – проекта федерального закона «О внесении измене-

Особого внимания требуют вопросы правового регулирования обмена данными в контексте деятельности цифровых платформ. Обмен/передача данных регулируется в зависимости от модели регулирования цифровых платформ (централизованная, децентрализованная, гибридная, коммерческая модель)

ний в Федеральный закон «О защите конкуренции»⁷ и появления цифровых платформ.

Большие данные могут использоваться как 1) фактор производства, в случае, когда на основе анализа больших данных производитель улучшает продукт; 2) как стратегический ресурс, позволяющий удерживать лидерство на рынке и создавать барьеры для входа на рынок; 3) как товар, в котором заинтересованы коммерческие организации, самостоятельно не собирающие большие данные⁸. При этом под использованием больших данных понимают прежде всего аналитику больших данных, предполагающую

обработку, структуризацию, выявление связей, построение алгоритмов анализа данных и пр. Аналитика больших данных является новой формой производства знаний. В зависимости от цели использования, анализу могут быть неоднократно подвергнуты все доступные данные. Кроме того, большие данные являются также технологий сбора, накопления, обработки и хранения информации.

Рассматривая вопрос о соотношении больших данных с персональными данными следует отметить следующее.

Как было указано выше, данные могут создаваться в процессе генерации информации из технических источников. В случае если данные генерируются из социальных источников, то речь идет о накоплении и сборе данных. Именно при генерации данных из социальных источников наиболее остро встает проблема соотношения больших данных и персональных данных. **Персональные данные вливаются в потоки** больших данных и являются их составной частью. В отличие от данных, поступающих из технических источников, персональные данные, поступающие из социальных источников и являющиеся частью больших данных, вызывают большинство проблем в цифровом бизнесе и требуют правового регулирования не только на национальном, но и на международном уровне⁹.

Особого внимания требуют вопросы правового регулирования обмена данными в контексте деятельности цифровых платформ. Обмен/передача данных регулируется в зависимости от модели регулирования цифровых платформ (централизованная, децентрализованная, гибридная, коммерческая модель)¹⁰.

Платформа как программный продукт аккумулирует в себе все остальные необходимые технологии,

предоставляя огромному количеству пользователей доступ к информации, высококачественным сервисам по планированию, аналитике и, самое главное, доступ к рынку (к клиентам, к производителям, к сервисным организациям и так далее)¹¹.

Так, в рамках централизованной модели обмен данными регулируется на уровне международных договоров. Отдельные вопросы, связанные с обработкой отдельных видов конфиденциальных данных, регулируются на уровне акта оператора платформы (политика конфиденциальности и иные аналогичные документы).

При децентрализованной модели, когда платформа создается актом международной организации, обмен данными регулируется на уровне акта оператора платформы, базирующегося на положениях общих актов об обмене данными, принятых в данной сфере (международные договоры, акты международной организации).

В рамках гибридной модели международный договор создает единую (нейтральную) правовую среду, в рамках которой отдельные публичные и частные поставщики предоставляют свои сервисы их пользователям. При этом обмен данными регулируется как явно на уровне международных договоров, так и неявно через регулирование отдельных характеристик предоставляемых сервисов.

И наконец, при коммерческой модели, когда платформа создается на основе акта частной компании, обмен данными регулируется на уровне акта компании – создателя платформы (политики конфиденциальности). Данный акт является основным документом, определяющим порядок работы с данными при функционировании интернет-платформы. Политика включает в себя, в частности, следующие

блоки: сбор данных, использование персональных данных, раскрытие персональных данных, права в отношении персональных данных, cookie-файлы, персональные данные несовершеннолетних лиц, меры безопасности, порядок внесения изменений в политику конфиденциальности, условия использова-

**В зависимости от предмета
(оборот данных либо
деятельность цифровых
платформ и экосистем)
и пределов регулирования
(только наднациональное
регулирование
или наднациональное
и национальное регулирование)
выделяют несколько
моделей регулирования
трансграничного оборота
данных**

ния сервиса посетителями из других стран (например, из Европейского союза). Примером такого регулирования являются платформы Google, Alibaba.com¹².

Учитывая принципы работы цифрового бизнеса, особого внимания заслуживают вопросы трансграничной передачи данных и экстерриториальность законодательства в сфере обработки персональных данных. Большинство цифровых бизнесов используют и обрабатывают персональные данные иностранных граждан, однако зачастую не принимают во внимание необходимость соблюдения соответствующего иностранного законодательства,

например, GDPR (General Data Protection Regulation), которое непосредственно влияет на работу и управление их веб-сайтами и мобильными приложениями. Особую сложность в этом вопросе составляют определение перечня данных, которые регулярно собираются, обрабатываются, хранятся или передаются в среде веб-сайта / мобильного приложения¹³.

В зависимости от предмета (оборот данных либо деятельность цифровых платформ и экосистем) и пределов регулирования (только наднациональное регулирование или наднациональное и национальное регулирование) выделяют несколько моделей регулирования трансграничного оборота данных.

Первая модель может применяться в различных цифровых платформах (коммерческих и государственных) и экосистемах, поскольку она не связана с какой-либо конкретной архитектурой цифровой платформы и предполагает установление минимальных требований по обороту данных, их обработке и защите, правам субъектов и обязанностям операторов, механизмам контроля за выполнением таких минимальных требований между государствами, на основе чего формируется общее цифровое пространство как полноценное экономическое пространство.

Вторая модель должна применяться только в отдельных случаях создания и эксплуатации цифровых платформ и предполагает закрепление правил оборота данных только применительно к их трансграничному обороту, т.е. к их передаче от оператора, находящегося в одной стране-участнице общего цифрового пространства, оператору или пользователю, находящемуся в другой стране общего цифрового пространства, посредством их передачи в общее цифровое пространство.

Третья модель основывается на «сквозном» регулировании цифровых платформ как на международном уровне, так и на уровне национальных законодательств – применительно к использованию информационных систем и цифровых платформ в отношениях внутри данного государства и предполагает установление общих требований к цифровым платформам на уровне национальных законодательств, что обеспечит разрешение вопросов, связанных с установлением обязанностей и ответственности операторов и провайдеров таких цифровых платформ, прав пользователей.

Четвертая модель предполагает концентрацию правового регулирования трансграничного оборота данных в ЕАЭС на узком вопросе создания и использования цифровых платформ и международных информационных систем, развиваемых на надгосударственном уровне.

При рассмотрении перспектив развития регулирования трансграничного оборота данных необходимо в первую очередь иметь в виду баланс интересов развития и сопутствующих рисков. Регуляторный опыт на сегодняшний день показывает, что в мире наблюдается рост ограничений трансграничного оборота данных¹⁴.

Ключевым вопросом в выборе модели регулирования передачи трансграничных данных является определение роли государства и саморегулирования относительно деятельности цифровых платформ и экосистем как в отношении оборота данных, так и в отношении их функционирования в целом. Учитывая, что право не успевает за стремительным развитием технологий, вопросы устранения правовых барьеров для оборота данных становятся ключевыми для развития цифровой экономики¹⁵.

Ярким примером глобальных подходов является давно нача-

тая работа по информационной интеграции стран Европейского союза, в том числе принятие Регламента по защите персональных данных 2016 г.¹⁶, заменившего действовавшую ранее Директиву 95/46/ЕС⁸⁸, а также Регламент по обороту неперсональных данных 2018 г.¹⁷

**В цифровой экономике
трудно обеспечить
соблюдение правил
обработки данных
из-за постоянно
меняющейся природы
информации и коммерции,
предоставляемой
через Интернет**

Таким образом, ЕС пошел по пути разделения данных на персональные и неперсональные, к которым применяется наднациональное регулирование.

Представляется, что в некоторых областях цифровой экономики (например торговля) за основу может быть взята третья модель с возможностью реализации централизованной и децентрализованной модели платформ, в свою очередь, по мере ее развития возможен переход к регулированию оборота данных независимо от архитектуры платформ и экосистем, путем установления общих минимальных требований.¹⁸

Таким образом, подход к регулированию оборот данных необходимо рассматривать в общем контексте цифровой трансформации, т. е. перехода к цифровой экономике. Оборот данных является важным, но не единственным цифровым элементом и должен быть дополнен механизмами идентификации, защиты информации, оптимизации барьеров доступа на рынок, механизмами построения и эксплуатации инфраструктуры, правилами распределения прав на информационные продукты, создаваемые в цифровой экономике, правилами распределения рисков и ответственности в цепочке создания стоимости и потребления информационных продуктов.

В цифровой экономике трудно обеспечить соблюдение правил обработки данных из-за постоянно меняющейся природы информации и коммерции, предоставляемой через Интернет. В этой связи в рамках проведения цифрового комплаенса необходимо проводить проверку соответствия нормативным требованиям сторонних сервисов для работы с персональными данными, а также учитывать политики обработки данных, утвержденные указанными компаниями, сообщать о выявленных нарушениях законодательства о защите персональных данных в регулирующий орган.

Основной задачей регулятора при разработке нормативных требований к деятельности цифровых платформ и цифровых экосистем в сфере оборота данных является определение основных принципов, направленных на установление прозрачных требований при работе с данными (большими данными и данными с ограниченным доступом), а также исключение дискриминации при работе с данными (установление равных условий для равных товаров, работ и услуг).

Список использованной литературы

Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции [Текст]: монография / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; ФАС России; под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова и Е.А. Войниканис. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 391.

Кешелава А.В., Предмет цифровой экономики и роль цифровых инструментов. (дата обращения: 19.06.2020). http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/485/DE-2019-02-13.pdf

Развитие регулирования: новые вызовы в условиях радикальных технологических изменений XX. Доклад НИУ ВШЭ. Москва. 2019 г. С 45. (дата обращения: 19.06.2020). https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004575/4%20%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf

Рожкова М.А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит

проблема правового регулирования big data [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 22 апреля. (дата обращения: 19.06.2020).

URL:https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obych

Савельев А.И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. – 2018. – № 5. – С. 122–144 // СПС «Консультант Плюс».

Restrictions to Cross-Border Data Flows: a Taxonomy. 2017. (дата обращения: 20.06.2020).

Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). (дата обращения: 18.06.2020)

Regulation (EU) 2018/1807 of the European Parliament and of the Council on a framework for the free flow of non-personal data in the European Union. (дата обращения: 20.06.2020).

¹ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции [Текст]: монография / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; ФАС России; под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова и Е.А. Войниканис. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 391.

² Развитие регулирования: новые вызовы в условиях радикальных технологических изменений XX. Доклад НИУ ВШЭ. – Москва. – 2019 г. – С. 45. (дата обращения: 19.06.2020). https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004575/4%20%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf

³ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/571124-7> (дата обращения: 19.06.2020).

⁴ Савельев А.И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. – 2018. – № 5. – С. 122–144 // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Рожкова М.А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 22 апреля. (дата обращения: 19.06.2020).

URL:https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obych

⁶ См., например: Савельев А.И. Указ. соч.

⁷ <https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428> (дата обращения: 19.06.2020).

⁸ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / А.Ю. Цариковский и др.] / под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова и Е.А. Войниканис. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. – С. 46.

⁹ Рожкова М.А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 22 апреля. URL:https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obych

¹⁰ Развитие регулирования: новые вызовы в условиях радикальных технологических изменений XX. Доклад НИУ ВШЭ. – Москва. 2019 г. – С. 45. (дата обращения: 19.06.2020).

https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004575/4%20%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf

¹¹ Кешелава А.В., Предмет цифровой экономики и роль цифровых инструментов. http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/485/DE-2019-02-13.pdf

¹² Развитие регулирования: новые вызовы в условиях радикальных технологических изменений XX. Доклад НИУ ВШЭ. – Москва. 2019 г. – С. 45. (дата обращения: 19.06.2020).

https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004575/4%20%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf

¹³ <https://www.corporatecomplianceinsights.com/advantageous-compliance-strategies-digital-economy/> (дата обращения: 19.06.2020).

¹⁴ Restrictions to Cross-Border Data Flows: a Taxonomy. 2017. (дата обращения: 18.06.2020).

¹⁵ Развитие регулирования: новые вызовы в условиях радикальных технологических изменений XX. Доклад НИУ ВШЭ. – Москва. 2019 г. – С. 45. (дата обращения: 19.06.2020).

https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004575/4%20%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf

¹⁶ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). (дата обращения: 18.06.2020)

¹⁷ Regulation (EU) 2018/1807 of the European Parliament and of the Council on a framework for the free flow of non-personal data in the European Union. (дата обращения: 20.06.2020).

К вопросу об обеспечении реализации принципа деления земель по целевому назначению нормами Кодекса РФ об административных правонарушениях

Гаевская Е. Ю., к. ю. н., доцент кафедры земельного и экологического права УрГЮУ,
Вагина О. В., к. ю. н., доцент кафедры земельного и экологического права УрГЮУ

Аннотация:

В своей статье авторы проанализировали вопросы, которые могут возникать при обеспечении принципа деления земель по целевому назначению нормами Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Ключевые слова:

земельные правоотношения, категории земель, деление земель по целевому назначению, административная ответственность за земельные правонарушения.

Екатерина ГАЕВСКАЯ

Принцип строго целевого использования земельного участка закреплён в пп. 8 п. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ¹. В соответствии с обозначенным пунктом целевое назначение земельного участка определяется исходя из отнесения земель к отдельной категории и разрешенного использования земельного участка в соответствии с зонированием территории и требованиями законодательства.

В земельном законодательстве установлен дифференцированный подход к определению правового режима земельного участка. Здесь необходимо обратиться к ст. 7 Земельного кодекса РФ, подразделяющей земли в РФ по целевому назначению на семь категорий.

Следует отметить, что в законодательстве нормативно-правового понятия «категория земель» не закреплено. В науке же делаются попытки осмысления такой юридической категории. Самое удачное определение, на взгляд авторов статьи, предложено Голиченковым А. К.: «категория земель – это единица классификации состава земель Земельного фонда РФ в зависимости от целевого назначения земель»². В рамках анализа правового режима земель отдельных категорий формулировали понятия «категория земель» также В. В. Петров³, Н. Л. Лисина⁴, Д. И. Мысов⁵ и другие ученые. Независимо от различных подходов к определению данного понятия, законодательное закрепление категоризации земель, несомненно, выступает основным

Ольга ВАГИНА

правовым механизмом установления правового режима земель и земельных участков различных категорий.

Правовой институт «разрешенного использования земельного участка» можно отнести к дополнительному механизму обеспечения правового режима земельного участка. Научное определение понятия «разрешенное использование земельного участка»

сформулировано А.П. Анисимовым: «это совокупность параметров и видов допустимого использования полезных свойств земельного участка и расположенных на нем природных ресурсов, а также объектов недвижимости в хозяйственных или потребительских целях в соответствии с регламентом либо в ином порядке, предусмотренном законодательством»⁶.

Соответственно, определение разрешенного порядка использования земельного участка осуществляется в соответствии с требованиями зонирования территории и требованиями законодательства.

Например, ст. 37 ГрК РФ⁷ закрепляет классификацию видов разрешенного использования земельных участков в составе земель населенных пунктов и подразделяет их на основные виды, условно разрешенные и вспомогательные виды (допустимые только в качестве дополнительных по отношению к основным и условно разрешенным видам использования и осуществляемые совместно с ними). Относительно категории земель населенных пунктов конкретизируются виды разрешенного использования Приказом Минэкономразвития России от 01.09.2014 № 540 (ред. от 04.02.2019) «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков»⁸. Кроме того, анализируя правовой режим земель данной категории, необходимо обращаться к законодательству муниципального уровня. Так, на уровне г. Екатеринбурга виды разрешенного использования земель населенных пунктов определяются Правилами землепользования и застройки городского округа – муниципального образования «город Екатеринбург»⁹.

Определяя виды разрешенного использования земель лесного фонда (лесных участков), необходимо

обратиться к Лесному кодексу РФ¹⁰: лесные участки могут быть предоставлены в пользование для заготовки в предпринимательских целях древесины (ст. 29), живицы (ст. 31), заготовки и сбора недревесных лесных ресурсов (ст. 32), пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений (ст. 34),

**Значение данной
статьи сложно
переоценить, ведь она
обеспечивает исполнение
требований земельного
законодательства
о строго целевом
использовании земельного
участка, в конечном
итоге реализуя нормы
об охране и рациональном
использовании земель**

выращивания лесных плодовых, ягодных, декоративных растений, лекарственных растений (ст. 39), осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства с предоставлением лесного участка (ст. 36), осуществления научно-исследовательской деятельности, образовательной деятельности (ст. 40), осуществления рекреационной деятельности (ст. 41), осуществления религиозной деятельности (ст. 47) и иных видов лесопользования.

Правовой режим и виды разрешенного использования земель особо охраняемых природных территорий определяются Земельным кодексом РФ и ФЗ «Об особо

охраняемых природных территориях»¹¹.

Все вышеизложенное наглядно отражает комплексный характер правового регулирования определения вида разрешенного использования земельных участков.

В качестве действенного средства правового обеспечения реализации принципа использования земельного участка строго по целевому назначению следует обозначить правовой институт административной ответственности. Статья 8.8 КоАП РФ¹² направлена на неуклонное обеспечение реализации законодательных предписаний об охране земель и строго целевом использовании земельного участка. Анализируемой статьей закреплено пять самостоятельных составов административных правонарушений, в основе разграничения которых законодателем положена объективная сторона состава правонарушения.

Значение данной статьи сложно переоценить, ведь она обеспечивает исполнение требований земельного законодательства о строго целевом использовании земельного участка, в конечном итоге реализуя нормы об охране и рациональном использовании земель.

На практике проблема реализации принципа строго целевого использования земельного участка тесно связана с реализацией принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (пп. 5 п. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ), так как использование здания в целях осуществления иной деятельности обуславливает нецелевое использование земельного участка, на котором расположено данное здание. Именно на обозначенном аспекте и акцентируем свое внимание.

Анализируя судебную практику, нельзя не отметить Постановление Конституционного Суда РФ

от 14.11.2019 № 35-П¹³. Предметом рассмотрения в котором явился абзац 2 ст. 42 Земельного кодекса РФ и ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ относительно привлечения собственника жилого дома, расположенного на земельном участке, предоставленном для ведения личного подсобного хозяйства, к административной ответственности за использование земельного участка не по целевому назначению. В рассматриваемом споре собственник земельного участка предоставил религиозной организации свой жилой дом для целей проведения богослужений, религиозных обрядов и иных религиозных церемоний, в том числе с возможностью использования адреса данного жилого дома в качестве адреса религиозной организации. На первый взгляд, наличие административного правонарушения, предусмотренное ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ (нарушение разрешенного порядка использования земельного участка), однако Конституционный Суд РФ указал, что правоприменители, рассматривающие вопрос о привлечении к административной ответственности, должны учитывать полную трансформацию жилого помещения в культовое или административное (служебное) помещение. Соответственно, использование жилых домов религиозной организацией для целей богослужений возможно, но без полной их трансформации в культовые помещения.

Что не может не вызывать недоумения, одно дело, когда в жилом доме проводится отпевание и иные религиозные обряды одновременно, одномоментно, единолично – и совсем другое дело, когда богослужения, обряды и иные религиозные церемонии проводятся коллективно, на постоянной основе, а адрес жилого дома используется в качестве адреса религиозной организации, что, на взгляд авторов статьи,

уже свидетельствует о трансформации данного дома в религиозное сооружение и в итоге о нарушении разрешенного порядка использования земельного участка.

Вышеизложенная позиция Конституционного Суда РФ также была конкретизирована в январе 2020 года¹⁴. Так, религиозная орга-

В рассматриваемом споре собственник земельного участка предоставил религиозной организации свой жилой дом для целей проведения богослужений, религиозных обрядов и иных религиозных церемоний, в том числе с возможностью использования адреса данного жилого дома в качестве адреса религиозной организации

низация «Религиозная Ассоциация Церкви Иисуса Христа святых последних дней в России» приобрела в собственность земельный участок (вид разрешенного использования – «в целях эксплуатации административного здания») и находящееся на нем нежилое здание – «административный корпус». Согласно выписке из Правил землепользования и застройки данный земельный участок относится к территориальной зоне П5 – зоне размещения производственных объектов V класса опасности. Данное здание по договору аренды было передано местной религиозной организации «Церковь Иисуса Христа святых последних

дней в г. Таганроге», которое стало использоваться в качестве не только административного здания, но и культового объекта – для совершения богослужений, религиозных обрядов и культовых церемоний, что в свою очередь, не соответствует виду разрешенного использования земельного участка, в том числе и в соответствии с Правилами землепользования и застройки муниципального образования «Город Таганрог» от 25 декабря 2012 года № 506¹⁵. На первый взгляд, имеет место быть нарушение разрешенного использования земельного участка, однако, Конституционный Суд РФ, в обосновании своей позиции, указал, что в соответствии с п. 1 ст. 16 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁶ от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ религиозные организации вправе основывать и содержать культовые здания и сооружения, иные места и объекты, специально предназначенные для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества). В Градостроительном кодексе РФ (статьи 5.1, 31, 37, 39 и др.) установлен особый порядок утверждения градостроительных регламентов, определяющих виды разрешенного использования земельных участков, включая осуществление религиозных обрядов (строка с кодом 3.7.1 Классификатора видов разрешенного использования земельных участков, утвержденного приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 1 сентября 2014 года № 540), а равно особый порядок предоставления разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или объекта капитального строительства, который ранее не был предусмотрен в качестве основного вида использования для конкретного участка или объекта.

Пункт 2 ст. 16 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» разрешает осуществлять богослужения, другие религиозные обряды и церемонии в том числе и в жилых помещениях. По мнению Конституционного Суда РФ, предоставление религиозной организации собственниками жилых помещений с возможностью проводить в них богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также использовать адрес жилого помещения в качестве адреса религиозной организации не является нарушением закона и не может служить основанием для привлечения таких лиц к ответственности, предусмотренной ч.1 ст.8.8 КоАП РФ, при том, однако, условии, что сохраняется установленный законодателем для жилых помещений правовой режим, исключающий придание им иного – культового значения, когда они используются на постоянной основе именно религиозной организацией для осуществления ее уставной деятельности, включая размещение руководящих органов.

В итоге Конституционный Суд РФ приходит к выводу, что действующее законодательство не предполагает привлечения к административной ответственности за нецелевое использование земельного участка с видом разрешенного использования «в целях эксплуатации административного здания» на том лишь основании, что местная религиозная организация проводит в административном здании, расположенном на данном земельном участке, богослужения, другие религиозные обряды и церемонии (помимо осуществления в этом здании иной своей уставной деятельности, в том числе и административной).

Данный вывод снова не может не вызывать недоумения, так как подразумевает под собой законность осуществления на постоянной

основе религиозной деятельности религиозных организаций в любых зданиях, не являющихся религиозными сооружениями, использование адреса данных зданий в качестве адреса религиозной организации, но без осуществления в них административной деятельности, включая размещение руководящих органов.

Справедливости ради следует отметить, что в Определении Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 № 3-О отмечается право федерального законодателя в порядке совершенствования действующего законодательства (земельного законодательства, законодательства о градостроительной деятельности и др.) уточнить условия осуществления религиозными организациями уставной (религиозной) деятельности в расположенных на принадлежащих им земельных участках административных зданиях.

Соответственно, Конституционный Суд РФ указывает на проблемность жилищного, градостроительного, земельного и иного законодательства в данной сфере. Законодателю необходимо четко регламентировать требования к местам осуществления религиозной деятельности. Иначе нецелевое использование земельного участка будет зависеть от субъекта и вида осуществляемой деятельности: если субъектом выступает религиозная организация, осуществляющая религиозную деятельность в жилом доме, привлечение к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ осуществить фактически невозможно (пока жилое помещение не трансформировалось в религиозную организацию), если же субъектом выступает, например, субъект предпринимательской деятельности, выделивший первый этаж своего жилого дома, расположенного на земельном участке,

предоставленном для ведения ЛПХ, под магазин – то налицо нецелевое использование земельного участка.

В целом следует отметить, что судебная практика по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ характеризуется своей неоднозначностью. Так, Арбитражный суд Краснодарского края¹⁷ и Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд¹⁸ не увидели в действиях предприятия признаки земельного правонарушения, предусмотренного ст. 8.8 КоАП РФ: на земельном участке, принадлежащем предприятию на праве постоянного (бессрочного) пользования, с разрешенным видом использования (для сельскохозяйственного использования) расположено здание, эксплуатируемое предприятием для осуществления коммерческой деятельности (передача в аренду части помещений в здании под объекты торговли и предприятий сферы обслуживания населения). Суды, рассматривая настоящий спор, установив, что расположенное на спорном земельном участке здание эксплуатируется предприятием для осуществления своей деятельности, вид которой («Выращивание цитрусовых культур») по своему целевому назначению соответствует виду разрешенного использования спорного земельного участка, пришли к выводу об отсутствии в действиях предприятия состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена частью 1 ст. 8.8 КоАП РФ. При этом суды указали, что «частичное использование предприятием здания для сдачи помещений в аренду под объекты торговли и предприятий сферы обслуживания населения не изменяет цели использования земельного участка».

Однако Верховный Суд РФ не согласился с выводами вышеуказанных судов, указав, что «передача в аренду части помещений в здании

касается не только вопроса об использовании такого объекта недвижимости, но и земельного участка, на котором этот объект недвижимости расположен»¹⁹.

Действительно, земельное законодательство устанавливает обязанность использовать весь земельный участок по целевому назначению (статьи 1, 7.42 Земельного кодекса РФ). Каких-либо исключений в виде возможности использования части земельного участка не по целевому назначению (не в соответствии с разрешенным использованием) законодательством не установлено. Соответственно, передача в аренду части помещений в здании под объекты торговли и предприятий сферы обслуживания населения повлекла за собой изменение функционального назначения здания, поскольку эти помещения предназначены для использования в сельскохозяйственной деятельности, а не для сдачи их в аренду в целях осуществления иной деятельности. В итоге использование здания в целях осуществления иной деятельности привело к использованию земельного участка, на котором расположено

здание, не в соответствии с видом разрешенного использования этого участка, что и предусмотрено ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ.

В Свердловской области в 2018 г. субъектом нецелевого использования земельного участка стало Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Ельцина», которое было привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ с назначением наказания в виде штрафа в размере 278 152 рубля за размещение нестационарных торговых объектов за своих земельных участках. Однако постановление заместителя главного государственного инспектора Свердловской области по использованию и охране земель от 29 августа 2017 года о привлечении ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Ельцина» было отменено в связи с недоказанностью обстоятельств²⁰.

Рассмотренные судебные решения наглядно отражают отсутствие

единообразных подходов к понятию «нецелевое использование земельного участка». Порой становится абсолютно непонятно: почему размещение очередной религиозной организации в здании не может квалифицироваться по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ, а открытие магазина, киоска, ларька в здании подпадает под действие ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ.

В соответствии с вышеизложенным необходимо:

- В Земельном кодексе РФ закрепить понятие «категория земель» и «разрешенное использование земельного участка»;
- В целях обеспечения единства подходов к судебной практике по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ на законодательном уровне детализировать требования к местам осуществления богослужения, религиозных обрядов и церемоний, а также условия осуществления религиозными организациями уставной (религиозной) деятельности в жилых помещениях и в расположенных на принадлежащих им земельных участках административных зданиях. ■

¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

² Голиченков А. К. Эколого-правовой словарь // Экологическое право. – 2004. – № 3. – С. 54–62.

³ Земельное право России: Учебник по специальности «Правоведение» / Под ред. В. В. Петрова. – М., 1995. – С. 140.

⁴ Лисина Н. Л. Правовой режим земель поселений: Учебно-практич. пособие. – М.: Дело, 2004. С. 56.

⁵ Мысов Д. И. К вопросу о понятии категории земель // Аграрное и земельное право. – 2008. – № 7. – С. 58.

⁶ Анисимов А. П. Разрешенное использование земельных участков: вопросы теории // Гражданское право. – 2006. – № 4. – С. 32–35.

⁷ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

⁸ Российская газета. 2014. 24 сентября.

⁹ Решение Екатеринбургской городской Думы от 19.06.2018 № 22/83 (ред. от 19.11.2019) // Вестник Екатеринбургской городской Думы. 2018. № 347.

¹⁰ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

¹¹ ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

¹² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2019 № 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. В. Гламоздиновой».

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 № 3-О «По жалобе Централизованной религиозной организации «Религиозная Ассоциация Церкви Иисуса Христа святых последних дней в России» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пунктом 2 статьи 7 и абзацем вторым статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации». Официальный вестник Таганрога. 2012. № 41.

¹⁵ ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹⁶ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 25.01.2019 по делу № А32-49415/2018.

¹⁷ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.04.2019 по делу № А32-49415/2018.

¹⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.10.2019 № 308-ЭС19-10562 по делу № А32-49415/2018.

¹⁹ Решение Свердловского областного суда от 27.03.2018 по делу № 72-310/2018.

²⁰ Решение Свердловского областного суда от 27.03.2018 по делу № 72-310/2018.

Потребитель энергоресурсов как энергоснабжающая организация

Шафур А.М., к. ю. н., арбитр МУАС при ТПП РФ

Аннотация:

В энергоснабжении складывается уникальная экономико-правовая модель, когда потребитель энергоресурсов не только использует полученную от энергоснабжающей организации энергию, но и участвует в процессе выработки энергии и тем самым может в договорных отношениях с энергоснабжающей организацией выступать как поставщик энергоресурсов и даже получать за это вознаграждение, превращая процесс энергоснабжения, по сути дела, в сотрудничество, совместную деятельность производящих и потребляющих энергию субъектов. Снабжение энергоресурсами характеризуется не только распространением отношений сферы производства (снабжения) на сферу потребления энергии, но и обратным процессом – участием субъектов потребления в производстве энергии и, отсюда, распространением полномочий субъектов потребления на сферу производства (снабжения). Экономико-правовой процесс энергоснабжения – это, по сути дела, сотрудничество, совместная деятельность производящих и потребляющих энергию субъектов.

Ключевые слова:

энергия, энергоресурсы, предмет экономических отношений по снабжению энергоресурсами, энергопотребление, сотрудничество производителя и потребителя энергоресурсов.

В энергоснабжении складывается уникальная экономико-правовая модель, когда потребитель энергоресурсов не только использует полученную от энергоснабжающей организации энергию, но и участвует в процессе выработки энергии и тем самым может в договорных отношениях с энергоснабжающей организацией выступать как поставщик энергоресурсов и даже получать за это вознаграждение, превращая процесс энергоснабжения, по сути дела, в сотрудничество, совместную деятельность производящих и потребляющих энергию субъектов.

При снабжении энергоресурсами складываются два типа экономических отношений – отношения, построенные по модели энергоснабжения (при передаче энергоресурсов по присоединенной сети) и отношения по поставке. Если в экономических отношениях по поставке «договор поставки как сделка между продавцом и покупателем представляет собой операцию, относящуюся к рынку, сфере обращения» и не имеет ничего общего

с потреблением, которое «начинается лишь тогда, когда акт торговли закончен и завершен»¹, то при снабжении энергией и газом процесс потребления является составной частью сферы обращения, «акта торговли» продукцией, обеспечивая и делая, в конечном счете, возможным сам этот акт. В юридической литературе обращалось внимание на то, что если речь идет о правоотношениях, объектом которых является не содержащаяся в них энергия, а сами ресурсы как материально-вещественная форма, то передача их покупателю (потребителю) через присоединенную сеть является лишь одним из возможных способов исполнения обязательств². В то же время снабжение по присоединенной сети энергоресурсами как носителями энергии характеризуется тем, что энергия находится в постоянном движении и не успевает стать вещью, а процесс потребления получателем энергоресурсов можно охарактеризовать как право использования особых свойств материи³.

Распространение обращения на сферу потребления энергоресурсов как носителей энергии приводит к тому, что потребление само становится «актом торговли», и в этом главная отличительная черта экономических и опосредующих их правовых отношений, построенных по модели энергоснабжения. Сделанный вывод подтверждается многочисленными фактами все более широкого применения механизмов правовой регламентации деятельности потребителя по ограничению его прав в сфере использования полученных им от снабжающей организации энергоресурсов.

В германском законодательстве даже появилось понятие «активное управление потреблением», которое направлено на создание для оператора сети или других управомоченных на управление сетью лиц определенной свободы усмотрения, в рамках которой в случае надвигающейся перегрузки потребление получателя энергоресурсов может быть снижено⁴. Законодатель исходит из недостаточности для

получателей ресурсов только стимулов к перераспределению их потребления, поэтому он использует инструменты, позволяющие активно влиять на управление приоста-навливаемыми снабжающей организацией потребительскими устройствами и таким образом уменьшить или увеличить потребление энергии в интересах всей энергосистемы.

Первые нормы об активном управлении потреблением в Германии появились в Законе об энергетике в августе 2011 года. Целью новеллы было предоставление операторам сети возможности снизить потребление энергии конечными потребителями в периоды высокой нагрузки на сеть. Для этого операторы распределительных сетей должны рассчитывать стоимость потребляемой энергии по более низким тарифам с поставщиками энергии и ее конечными потребителями, с которыми они заключили контракты на использование сети в обмен на возможность контроля за определенными потребительскими установками с целью уменьшения нагрузки сети. В качестве владельца установки Закон рассматривает поставщика или конечного потребителя энергии, который заключил с оператором распределительной сети договор пользования сетью. Управление установкой потребителя происходит напрямую оператором сети или косвенно третьими лицами по указанию оператора сотовой сети.

Указанные положения Закона относятся к так называемым «прерываемым» потребительским установкам, например, к тепловым насосам, аккумуляторам, электромо-билям. Общим для этих устройств является то, что они не требуют непрерывной эксплуатации или зарядки. Необходимым условием для таких установок является наличие отдельной точки учета потребляемой

энергии для ее надлежащего учета. «Прерываемые установки» могут быть временно выключены или может быть понижен уровень потребляемой ими энергии, в результате чего может быть задействован их потенциал для снижения нагрузки сети. С другой стороны, много прерываемых потребительских

**Изложенный выше опыт
германского законодателя
воспринят и российскими
законодателями.
Постановлением Правительства
РФ от 20.07.2016 N 699
«О внесении изменений
в Правила оптового рынка
электрической энергии
и мощности» в России вводится
механизм «ценозависимого
потребления» электрической
энергии (мощности)**

электроустановок могут быть целенаправленно подключены к сети именно в такие временные промежутки, когда, например, в ветреные дни возникает избыток электроэнергии, например, передача энергии холодильным камерам в целях регулирования значительно ниже требуемых минус 18 градусов. Если избытка электроэнергии больше нет, охлаждение может быть отключено в течение более длительного времени, что способствует снижению нагрузки сети. При этом если оператор прерываемой потребительской электроустановки предоставит оператору распределительной сети возможность управления

ею, то последний обязан, в свою очередь, уменьшить размер платы за электроэнергию⁵.

Анализируя вышеизложенную практику активного управления потреблением, другими словами, директивного вмешательства снабжающей энергией организации в процесс использования потребителем энергии, следует обратить внимание на то, что этап (момент) хранения энергоресурса здесь не имеет самостоятельного значения, он носит вспомогательный, обслуживающий характер для непрерывного по своей сути процесса снабжения ресурсами всех потребителей данной энергоснабжающей организации. «Прерываемая установка» потребителя – это, по своей технико-экономической сути, резервуар хранения энергоснабжающей организации, которая использует его по мере необходимости.

Изложенный выше опыт германского законодателя воспринят и российскими законодателями. Постановлением Правительства РФ от 20.07.2016 N 699 «О внесении изменений в Правила оптового рынка электрической энергии и мощности»⁶ в России вводится механизм «ценозависимого потребления» электрической энергии (мощности). Согласно ему участники оптового рынка электрической энергии (мощности) могут подавать заявки для участия в конкурентном отборе мощности (КОМ) с указанием планируемого объема снижения потребления. По факту отбора заявки в КОМ они принимают на себя обязательства по снижению потребления со специальными требованиями по обеспечению готовности энергопринимающего оборудования к такому снижению. В результате выполнения обязательств, принятых на себя участником оптового рынка, объем покупки мощности, формируемый по итогам месяца

в отношении такого участника, снижается на учтенный при проведении КОМ объем ценозависимого снижения потребления. Установленный механизм позволяет потребителям оптового рынка электрической энергии активно участвовать в регулировании спроса на электрическую энергию и мощность и разработан в целях повышения уровня энергетической эффективности оптового рынка электрической энергии.

Административно-правовая составляющая вмешательства государства в процессы снабжения энергоресурсами, включая стадию их потребления, прослеживается и в Постановлении Правительства РФ от 20.07.2016 N 701 «О внесении изменений в Положение об осуществлении федерального государственного энергетического надзора»⁷, согласно нему в круг лиц, в отношении которых осуществляется федеральный государственный энергетический надзор, включены потребители электрической энергии.

Изложенная выше российская и зарубежная практика законодательного регулирования подтверждает вывод, что хранение в отношениях по энергоснабжению это лишь элемент непрерывного процесса производства – подачи – потребления содержащейся в энергоресурсах энергии, обусловленный в конечном счете тем, что время обращения в отношениях по энергоснабжению равно нулю. Именно отсюда вытекает основная специфика рассматриваемых отношений, хранение здесь – лишь стадия, промежуточный результат технико-технологического процесса снабжения – потребления, но не его конечная экономико-правовая цель. Этой целью является энергоресурс как предмет и объект потребления, недаром и в российской и в иностранной литературе рассматриваемые

договоры нередко называют договорами потребления⁸.

Л.Д. Гительман и Б.Е. Ратников отмечали, что в Европе люди с ветряками и солнечными батареями сбрасывают излишки энергии в общую сеть, превращаясь из потребителей энергии в генерирующих агентов, так что производство

Изложенная выше российская и зарубежная практика законодательного регулирования подтверждает вывод, что хранение в отношениях по энергоснабжению это лишь элемент непрерывного процесса производства – подачи – потребления содержащейся в энергоресурсах энергии, обусловленный в конечном счете тем, что время обращения в отношениях по энергоснабжению равно нулю

энергии осуществляется совместно, по принципу торрентов⁹. В Германии используемые потребителями аккумуляторные установки могут быть включены, с одной стороны, для сохранения избытка электроэнергии, а с другой стороны, они отдадут в периоды высокой нагрузки сети сохраненную энергию для того, чтобы избежать ее дефицита¹⁰, и тем самым также участвуют в по существу совместном со снабжающей организацией производстве энергии.

Таким образом, экономико-правовой процесс энергоснабжения – это, по сути дела, сотрудничество, совместная деятельность производящих и потребляющих энергию

субъектов. Топливо-энергетический баланс – правовая форма планирования и организации такого сотрудничества путем выявления единых потребностей снабжающих организаций и потребителей и выработки совместных для них решений. А правовая форма осуществления указанного сотрудничества – это договорное обязательство по снабжению энергоресурсами, охватывающее стадию потребления независимо от того, снабжение это «по» (договор энергоснабжения через присоединенную сеть) или «вне» (договор поставки) сети. Разграничение отношений экономическое и правовое здесь происходит по критерию: передается в рамках таких отношений энергия, содержащаяся в ресурсе (работа ресурса), или передается сам ресурс.

Другими словами, снабжение энергоресурсами характеризуется не только распространением отношений сферы производства на сферу потребления энергии, но и обратным процессом – участием субъектов потребления в производстве энергии и, отсюда, распространением полномочий субъектов потребления на сферу производства. Сфера обращения в энергоснабжении распространяется на сферу потребления как в форме полномочий энергоснабжающих организаций по управлению установками потребителей и контролю за использованием ими энергоресурсов, так и в форме участия потребителей в производстве энергии и, таким образом, энергоснабжении.

Важно подчеркнуть, что потребитель в данном случае не становится энергоснабжающей организацией, ибо его действия здесь – не более чем элемент общего процесса снабжения энергией всех субъектов энергоснабжающей организации, включая самого потребителя. Потребитель не снабжает других

субъектов потребления, а лишь организует свою сферу потребления таким образом, что ее результатом становится не только потребление, но и производство энергоресурсов. Даже вознаграждение в этом случае потребитель получает не в виде платы за поставленную энергию, а в виде скидок с тарифов на поставляемые ему снабжающей организацией энергоресурсы¹¹.

Современная энергетика все более и более предстает как отношения по добровольному (с использованием гражданско-правовых методов регулирования) или принудительному (с использованием административно-правовых методов регулирования) ограничению потребителей в правах в сфере потребления приобретенных ими энергоресурсов. Потребитель в энергетике продает (частноправовой механизм) или передает (публично-правовой механизм) свои права в сфере потребления в обмен на скидки и прочие преференции или даже без оных в установленных государством общественно-полезных целях и интересах. Потребление энергоресурсов – рынок по своей сути, не/вне-рыночного потребления в современной энергетике практически нет. Отношения потребления энергоресурсов в отличие от иных отношений являются регулируемыми рыночными или административно-правовыми механизмами соответственно характеру этих отношений.

Связь производства и передачи энергоресурсов с их потреблением наиболее наглядно, в классическом виде, проявляется при снабжении потребителя энергоресурсами через присоединенную сеть, которая, как отмечалось, обуславливает непосредственную взаимосвязь и взаимозависимость деятельности снабжающей организации и потребителя, а также распространение их отношений на сферу потребления.

Но вмешательство в сферу потребления получателя энергоресурсов может быть обусловлено иными причинами и факторами – физическими, технико-технологическими, экономическими и даже правовыми. Главным из этих факторов являются физические свойства передаваемого ресурса как носителя энергии.

**В экономической
и в юридической
литературе отношения
по энергоснабжению
многие авторы
квалифицируют
как отношения
энергоиспользования,
энергопотребления**

К числу экономических причин относится необходимость экономии энергоресурсов в силу их исчерпаемости. Техничко-технологической причиной является взаимозаменяемость энергоресурсов в процессе их использования. К правовым причинам можно отнести объективную необходимость регламентации сферы потребления энергоресурсов как частно-, так и публично-правовыми методами в связи с развитыми системами централизованного снабжения ресурсами в рамках единых в масштабах страны систем – в частности энерго-, газо- и нефтеснабжения и распространением правоотношений сторон на сферу потребления

энергоресурсов, обуславливающую необходимость специальной регламентации деятельности потребителя.

Исходя из изложенного, любой тип экономических отношений по снабжению энергоресурсами, имеющий своим предметом передачу потребителю не ресурса как такового в его материально-вещественной форме, а лишь содержащейся в нем энергии, работы энергоресурса, предполагает в той или иной степени распространение отношений сторон на сферу их потребления. Таким образом, и отношения по поставке энергоресурсов охватывают сферу их потребления, хотя объем и содержание такого охвата не совпадает с характером и содержанием охвата сферы потребления в экономических отношениях по энергоснабжению через присоединенную сеть.

В экономической и в юридической литературе отношения по энергоснабжению многие авторы квалифицируют как отношения энергоиспользования, энергопотребления. К обращению энергоресурсов как носителей энергии можно применить сделанный П.М. Лашно вывод в отношении электрической энергии, которая, как он писал, не обращается ни в физическом, ни в юридическом смысле. Обращается, переходит в результате возмездных или безвозмездных сделок между контрагентами только право на энергию. Причем право особого рода – не право собственности, но право потребления в своем или чужом интересе энергии того количества и качества, которые соответствуют уплаченной за потребление сумме денежных средств или стоимости переданного в обмен имущества. Приобретать и использовать энергию иначе как для целей потребления невозможно, ее нельзя юридически переработать, сделать

средством накопления богатства. К энергии неприменима такая категория гражданского права, как право собственности. То, что можно было бы считать правом собственности на энергию, ни одной из характеристик вещных прав не обладает. Поэтому даже в том случае, когда приобретение энергии осуществляется не с целью ее потребления лично приобретателем, а с целью ее перепродажи, правильнее говорить о приобретении и дальнейшей возмездной уступке права потребления энергии, т.е. опять же об обращении прав на энергию¹².

Сделанные нами в настоящей статье выводы можно резюми-

ровать следующим образом: сосудистая система производства, в рамках которой энергия только и могла существовать и производиться как потребительная стоимость, стала источником, прародителем возникновения новых общественно-экономических отношений по энергоснабжению через присоединенную сеть, характеризующихся взаимосвязью и взаимозависимостью производства и потребления энергоресурсов и обусловленным этим распространением экономико-правовых отношений сторон на сферу потребления¹³. Но возникнув, эти отношения втянули в свою сферу

близкие им отношения по снабжению через присоединенную сеть и всеми другими ресурсами, если данные отношения строились по схеме «передача плюс потребление минус обращение». Экономико-правовые взаимоотношения сторон могут быть построены как взаимосвязи по передаче-приему ресурса в вещественной форме (отношения по поставке) и как взаимосвязи по передаче-потреблению энергоресурса. В последнем случае имеют место обязательственные отношения по обеспечению потребителя энергией, содержащейся в ресурсе¹⁴. ■

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч.1, – С. 285: т. 23 – С. 598.

² См.: Витрянский В.В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. – М.: Юрид. лит., 1999. – С. 157–158.

³ См.: Лахно П.Г. Энергетическое право Российской Федерации: Становление и развитие. – С. 94–95.

⁴ См.: Энергетическое право и энергоэффективность в Германии и России, / под ред. Б. Хольцнагеля, Л.В. Санниковой. М.: Инфотропик Медиа. 2013. – С. 90–93.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: «Собрание законодательства РФ», 01.08.2016, № 31, ст. 5017.

⁷ «Собрание законодательства РФ», 01.08.2016, № 31, ст. 5019.

⁸ В экономико-правовом отношении это все же не «чистое потребление», а «передача-потребление» как единый процесс энергоснабжения, проходящий две стадии в своем развитии (Подробнее см.: Шафир А.М. Указ. работа).

⁹ См.: Гительман Л.Д., Ратников Б.Е. Энергетический бизнес. – С. 49.

¹⁰ См.: Энергетическое право и энергоэффективность в Германии и России. – С. 90–93.

¹¹ См.: Гительман Л.Д., Ратников Б.Е. Энергетический бизнес. С.47–49.

¹² Лахно П.Г. Энергия, энергетика и право // Энергетическое право. – 2006. – № 1.

¹³ Сосудистая система производства – это система технических средств, в которых производятся, хранятся, транспортируются и потребляются продукты химических, физических и иных технологических процессов (в частности, электроэнергия), а также продукты, которые в промышленном объеме могут производиться, храниться, транспортироваться и потребляться только в сосудистой системе производства (газ, тепловая энергия в виде горячей воды и пара). Особенностью сосудистой системы производства является то, что в силу ограниченной возможности на данном этапе развития техники складирования в значительном количестве электрической, тепловой энергии и газа, производственно-технические связи производителя и потребителя построены таким образом, что они не предусматривают стадию накопления, складирования продукции. См.: Марахов В.Г. Структура и развитие производительных сил социалистического общества. – М.: Мысль, 1979. – С. 37–38, 124.; Капелян Е.Х. Производительные силы: структура, функции, типология (вопросы методологии и теории). – Минск: Наука и техника, 1976. – С. 53–56.; Волков Г.Н. Социология науки. – М.: Политиздат, 1968. – С. 32, 78.

¹⁴ Таким образом, поставка угля в тоннах – это купля-продажа, поставка энергии угля в условных единицах – обязательство по энергоснабжению.

Использование институтов банкротства в уголовно-правовой сфере

Калугин В. Ю., судья Арбитражного суда Пермского края

Аннотация:

Статья посвящена вопросам применения законодательства о банкротстве граждан, гармонизации законодательства о банкротстве, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова:

банкротство, уголовная ответственность должников, освобождение от наказания.

01 октября 2015 г. вступили в силу изменения в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹, регулирующие отношения, связанные с банкротством физических лиц. Практика применения законодательства о банкротстве открывает самые неожиданные аспекты названной проблематики.

Существуют отдельные категории должников, которые стали таковыми в результате совершения ими преступлений или иных правонарушений. Зачастую ряды несостоятельных граждан пополняются вчерашними собственниками бизнеса, руководителями предприятий, избалованных в налоговых и иных правонарушениях. Вслед за налоговой проверкой возбуждаются уголовные дела в отношении таких руководителей. Одновременно с постановкой приговора суд зачастую удовлетворяет гражданский иск в пользу потерпевших от преступлений.

Неуклонная тенденция последних лет – смягчение уголовной ответственности для лиц, совершивших преступления экономической направленности, а также для лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Федеральным законом № 420-ФЗ

от 07 декабря 2011 г. введено дополнительное основание для освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности – теперь такие лица освобождаются от уголовной ответственности в случае возмещения ущерба, причиненного преступлением, и перечисления в федеральный бюджет двукратной суммы причиненного ущерба либо иного эквивалента (ст. 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ). Статья 76.2 УК РФ, введенная Федеральным законом № 323-ФЗ от 03 июля 2016 г., позволяет освободить от наказания лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, в случае возмещения им ущерба с назначением судебного штрафа. Примечания к ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ позволяют освободить от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, связанное с уклонением от уплаты обязательных платежей, в случае полной уплаты недоимок. Одним из традиционных способов освобождения от уголовной ответственности является примирение с потерпевшим, которое возможно при условии возмещения причиненного потерпевшему вреда (ст. 76

УК РФ, ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ). Одним из условий досрочного освобождения от наказания, замены наказания на более мягкое, является возмещение потерпевшему вреда (ст. ст. 79, 80 УК РФ). Приведенная тенденция направлена на изменение вектора российской уголовной политики в экономической сфере с карательного (Crime Control) на побудительный, стимулирующий, способствующий добровольному исполнению субъектами предпринимательства своих обязанностей (Doing Business).²

Законодатель, а также многие авторы публикаций по данной проблематике справедливо отмечают, что свободный предприниматель, добровольно исполнивший свои обязательства, полезнее для экономики, чем заключенный, не исполнивший таковые.³

Таким образом, по итогам рассмотрения судом уголовного дела осужденный становится обремененным обязательством как погасить ущерб, причиненный преступлением, так и выплатить штраф во избежание применения к нему более строгого уголовного наказания. В ситуации, когда осужденный не имеет возможности уплатить

по всем возникшим обязательствам (тем более при наличии кредиторов, не связанных с фактом уголовного преследования), вступает в действие законодательство о банкротстве.

Статья 213.4 Закона о банкротстве предусматривает обязанность должника обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом в случаях, определенных законом.

В рамках дела о банкротстве гражданина применяются процедуры реструктуризации долгов и (или) реализации имущества, утверждает финансовый управляющий, задачей которого является эффективное управление имуществом должника в целях максимального удовлетворения требований его кредиторов. По итогам процедур, применяемых в деле о банкротстве, рассматривается отчет финансового управляющего о результатах его деятельности, решается вопрос об освобождении должника от дальнейшего исполнения обязательств.

Возможность освобождения гражданина от исполнения денежных обязательств является наиболее обсуждаемым аспектом процедур банкротства физических лиц. Очевидным образом встает вопрос о возможности освобождения гражданина от денежных обязательств, установленных приговором суда за совершенное этим гражданином преступление.

Если сформулировать проблему коротко и применительно к практике рассмотрения дел о банкротстве, то она звучит так: как квалифицировать в деле о банкротстве обязательства должника, вытекающие из факта привлечения его к уголовной ответственности? Например, штрафы, как наказание за совершенное преступление; платежи в возмещение вреда, причиненного преступлением, совершенные в целях смягчения наказания, прекращения уголовного

преследования, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания?

Возникают и иные правовые вопросы: возможно ли инициирование дел о банкротстве исключительно на основании приговора суда с назначением наказания в виде штрафа; какова очередность удовлетво-

**Статья 213.4 Закона
о банкротстве
предусматривает
обязанность
должника обратиться
в арбитражный суд
с заявлением о признании
его банкротом в случаях,
определенных законом**

рения таких штрафов; какова судьба принудительных мер, включая арест имущества, применяемых в уголовном деле с целью обеспечения взыскания штрафа; возможно ли освобождение гражданина от обязательств, связанных с уплатой штрафа⁴?

На наличие существенных пробелов в законодательстве, на противоречивость судебной практики по обозначенным вопросам указывает в своем особом мнении к Определению № 578-О от 13 марта 2018 г. судья Конституционного Суда Российской Федерации А.Н. Кокотов.

В рамках настоящей статьи автор попытается осмыслить вопрос

о порядке учета уголовных штрафов в делах о банкротстве граждан⁵.

До 31 декабря 2008 г. Закон о банкротстве не знал понятия уголовных штрафов. По старым правилам, в деле о банкротстве учитывались только денежные обязательства, вытекающие из гражданско-правовых, бюджетных и налоговых правоотношений. С момента внесения Федеральным законом № 296-ФЗ от 31.12.2008 г. изменений установленные уголовным законодательством штрафы прямо отнесены законодателем к обязательным платежам. Раз это так, следует определиться с порядком учета таких обязательств в деле о банкротстве. Но перед тем как обратиться к законодательству о банкротстве, следует уяснить само существо такого уголовного наказания, как штраф.

В российском уголовном законодательстве штраф является:

1) мерой государственного принуждения, назначаемой по приговору суда, которая заключается в денежном взыскании, налагаемом на осужденного, и выступает в качестве основного или дополнительного вида наказания (ст. 43, 44, 45, 46, 88 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶);

2) иной мерой уголовно-правового характера – судебным штрафом, предусмотренным разделом VI УК РФ, назначаемым в соответствии со ст. 76.2 УК РФ лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не являющимся уголовным наказанием.

В последнем случае уплата штрафа является способом освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести. К условиям такого освобождения мы обратимся в другой публикации, когда станем обсуждать платежи в возмещение

вреда. А сейчас вернемся собственно к штрафу.

В соответствии со ст. 31 УИК РФ осужденный к штрафу обязан уплатить штраф в течение 60 дней со дня вступления приговора суда в законную силу, за исключением случаев, когда осужденный был приговорен к штрафу с рассрочкой выплаты или суд по ходатайству осужденного рассрочил уплату штрафа на срок до 5 лет. При этом осужденный обязан в течение 60 дней со дня вступления приговора или решения суда в законную силу уплатить первую часть штрафа, а оставшиеся части штрафа уплачивать ежемесячно не позднее последнего дня каждого последующего месяца.

Осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа в установленный срок, признается злостно уклоняющимся от уплаты штрафа (ст. 32 УИК РФ), что влечет для него установленные законом правовые последствия: если штраф был назначен в качестве основного наказания – замену штрафа иным видом наказания, в том числе лишением свободы (ч. 5 ст. 46 УК РФ), если в качестве дополнительного наказания – взысканием штрафа в принудительном порядке (ч. 3 ст. 32 УИК РФ).

Как следует из разъяснений, изложенных в п. 5.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации⁷ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», установление других условий, кроме неуплаты штрафа в срок, для признания осужденного злостно уклоняющимся от уплаты штрафа не требуется. Однако при рассмотрении вопроса о замене штрафа, назначенного в качестве основного наказания, другим видом наказания суду необходимо проверять доводы о том, что осужденный не уклонялся

от уплаты штрафа, а не уплатил его в срок по уважительным причинам. Сам по себе факт отсутствия у осужденного денежных средств не может признаваться уважительной причиной для неуплаты штрафа в срок. Уважительными причинами могут считаться такие появившиеся после постановления приговора

**Согласно ч. 2 ст. 104.4
УК РФ в случае неуплаты
судебного штрафа
в установленный судом
срок судебный штраф
отменяется и лицо
привлекается к уголовной
ответственности
по соответствующей
статье Особенной части
УК РФ**

обстоятельства, вследствие которых осужденный лишен возможности уплатить штраф в срок (например, утрата дееспособности, нахождение на лечении в стационарном лечебном учреждении, утрата заработка или имущества вследствие обстоятельств, которые не зависели от лица).

В соответствии со ст. 103.1 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» судебный штраф исполняется лицом, которому эта мера назначена, в срок, указанный судом в постановлении, определении о назначении меры уголовно-правового характера, и по правилам,

установленным этим Законом, с особенностями, указанными в данной статье.

Согласно ч. 2 ст. 104.4 УК РФ в случае неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок судебный штраф отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ.

В п. 19 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разъяснено, что с учетом положений ч. 2 ст. 104.4 УК РФ лицо считается уклоняющимся от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со ст. 76.2 УК РФ, если оно не уплатило такой штраф в установленный судом срок (до истечения указанной им конкретной даты) без уважительных причин. Уважительными причинами неуплаты судебного штрафа могут считаться такие появившиеся после вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования обстоятельства, вследствие которых лицо лишено возможности выполнить соответствующие действия (например, нахождение на лечении в стационаре, утрата заработка или имущества ввиду обстоятельств, которые не зависели от этого лица).

Вернемся к делу о банкротстве. Как указано выше, ст. 213.4 Закона о банкротстве предусматривает обязанность должника обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом в случаях, определенных законом. Является ли назначение лицу наказания в виде уголовного штрафа (либо замена наказания штрафом в порядке ст. 76.2 УК РФ) одновременно с удовлетворением гражданских исков потерпевших (или без такового), одним из таких случаев?

Буквальное толкование закона свидетельствует о необходимости дать положительный ответ на этот вопрос. Практика рассмотрения дел о банкротстве лиц, приговоренных уголовным судом к наказанию (основному или дополнительно) в виде штрафа существует (например, дела А50-30881/2015, А50-20393/2016, А50-30497/2015).

Установлена и иная практика, которая сводится к невозможности возбуждения дела о банкротстве гражданина при наличии обязательства в виде штрафа, установленно-го приговором суда (Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 02 декабря 2015 г. по делу А78-12475/2015, Определение Арбитражного суда Ростовской области от 18 мая 2015 г. по делу А53-33396/2016). В приведенных делах суды первой и апелляционной инстанции применили положения ст. 10 ГК РФ, расценив заявление гражданина в качестве злоупотребления правом, заключающемся в противоправной попытке гражданина освободить себя от уголовного наказания.

Таким образом, вопрос продолжает оставаться дискуссионным, хотя все чаще встречается практика буквального толкования закона и введения процедур банкротства в отношении граждан в схожих обстоятельствах.

В научной среде высказываются мнения о том, что эффективным средством противодействия злоупотреблениям является не запрет на возбуждение дел о банкротстве (что в конечном счете напоминает запрет на судебную защиту), а недопущение списания уголовных штрафов после завершения процедуры реализации имущества гражданина. Предлагается внести соответствующие дополнения в Закон о банкротстве.⁸

Рассмотрим, насколько реально высказанные опасения о воз-

можности освобождения гражданина от уголовного наказания посредством использования процедур банкротства.

Вопросы освобождения гражданина от обязательств урегулированы ст. 213.28 Закона о банкротстве. По общему правилу, установленному п. 3 данной статьи, после

**При всех недостатках
приведенной формулировки
представляется
очевидным, что наличие
обязательства в виде
уголовного штрафа
свидетельствует о том,
что при его возникновении
гражданин действовал
незаконно,
что подтверждено
приговором суда**

завершения расчетов с кредиторами граждан, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, не заявленных при введении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина (далее – освобождение гражданина от обязательств).

Освобождение гражданина от обязательств не распространяется на требования кредиторов, предусмотренные пунктами 4 и 5 настоящей статьи, а также на требования, о наличии которых кредиторы не знали и не должны были знать к моменту принятия определения

о завершении реализации имущества гражданина.

Согласно абзацу четвертому п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве, освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, гражданин действовал незаконно, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество.

При всех недостатках приведенной формулировки представляется очевидным, что наличие обязательства в виде уголовного штрафа свидетельствует о том, что при его возникновении гражданин действовал незаконно, что подтверждено приговором суда. Из буквального прочтения закона следует, что при наличии у гражданина непогашенного уголовного штрафа он не будет освобожден как от исполнения этого обязательства, так и от всех остальных обязательств. Справедливости ради следует заметить, что существует и иная практика – когда отказ в освобождении применяется лишь к обязательству, непосредственно связанному с совершением незаконных действий⁹. Важно то, что процедуры банкротства не освобождают от исполнения обязательства в виде уголовного штрафа.¹⁰

Рассмотрим вопрос о порядке учета и удовлетворения требований об уголовных штрафах в делах о банкротстве.

По итогам такого обращения гражданина с заявлением о признании

его банкротом может быть введена процедура, применяемая в деле о банкротстве, – реструктуризация долгов или реализация имущества.

В соответствии с п. 1 ст. 213.11 Закона о банкротстве с даты вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введения реструктуризации его долгов вводится мораторий на удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей. Исключений для уголовных штрафов Закон о банкротстве не делает. Является ли введение в отношении осужденного процедур, применяемых в деле о банкротстве, уважительной причиной неуплаты уголовного штрафа?

На первый взгляд очевидным кажется положительный ответ на этот вопрос. Введение моратория на исполнение всех обязательств является объективной причиной невозможности уплаты уголовного штрафа, поскольку это прямо предусмотрено законом, а процедура банкротства могла быть введена по заявлению кредитора, то есть независимо от воли осужденного. В то же время практика применения законодательства о банкротстве свидетельствует о том, что инициирование возбуждения дела о банкротстве и введения первой процедуры по заявлению третьего лица не составляет для должника никакой трудности: достаточно выдать расписку и признать долг (абз. 5 п. 2 ст. 213.5 Закона о банкротстве). Это означает, что процедуры, применяемые в деле о банкротстве, могут быть использованы в целях уклонения от исполнения уголовного наказания.

Такую возможность следует исключить. Проблема заключается в следующем. Введение моратория на погашение денежных

обязательств и обязательных платежей делает невозможным своевременное исполнение уголовного наказания (применение меры уголовно-правового характера), а это, в свою очередь, запускает механизм освобождения от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83

**Автор предполагает,
что единственно верным
подходом к разрешению
обозначенной проблемы
является недопущение
квалификации моратория
на исполнение
обязательств в качестве
уважительной причины
для несвоевременной
уплаты штрафа**

УК РФ). Если в рамках рассмотрения дела о банкротстве будут оспариваться сделки, применяться процедуры принудительного взыскания задолженности с дебиторов должника, реализовываться его имущество, срок рассмотрения такого дела может затянуться на годы и превысить срок давности обвинительного приговора. Поскольку введение моратория на исполнение обязательств не является предусмотренной УК РФ отсрочкой исполнения наказания, нет предусмотренных УК РФ оснований для приостановления течения сроков давности. Таким образом, противодействовать необходимо именно этому явлению:

возможности затягивать срок исполнения приговора суда.

Высказываются устные мнения о необходимости отмены моратория, предусмотренного ст. 213.11 Закона о банкротстве, для уголовных штрафов. Такой подход означает возможность исполнения приговора в части назначенного штрафа, а в случае неуплаты штрафа – применения перечисленных выше мер воздействия. Автору представляется такой подход неверным. Такой подход означает преимущественное погашение уголовного штрафа перед иными обязательствами. В условиях ограниченности финансовых ресурсов должника это может привести к тому, что имеющихся у него средств будет достаточно для погашения штрафа, но недостаточно для удовлетворения требований потерпевших от преступления, за совершение которого назначен штраф. Данный подход представляется явно несправедливым. Существует практика оспаривания платежей в погашение уголовного штрафа, если они совершены преимущественно по отношению к удовлетворению обязательств перед иными кредиторами должника.¹¹

Автор предполагает, что единственно верным подходом к разрешению обозначенной проблемы является недопущение квалификации моратория на исполнение обязательств в качестве уважительной причины для несвоевременной уплаты штрафа. В этом случае к должнику, неспособному в полном объеме удовлетворить требования всех кредиторов и уполномоченных органов, будут применяться обычные уголовно-правовые последствия злостного уклонения от уплаты штрафа. Это означает, что только тот вправе рассчитывать на замену уголовного наказания штрафом, кто уплачивает этот штраф за счет собственных средств, а не за счет

своих кредиторов, чьи требования из-за этого остаются без удовлетворения. Для реализации такого подхода не требуется изменения законодательства, достаточно дополнить соответствующими разъяснениями постановление Пленума ВС РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Такой подход

вполне корреспондирует с абз. 4 п. 5.1 постановления Пленума ВС РФ от 20.12.2011 № 21, согласно которому сам по себе факт отсутствия у осужденного денежных средств не может признаваться уважительной причиной для неуплаты штрафа в срок. Наличие у гражданина признаков банкротства – не что иное, как отсутствие у него достаточных денежных средств для погашения всех обязательств.

Применяя в практике предлагаемый подход, уголовные штрафы следует учитывать в числе обязательств должника наряду с иными

обязательствами. Вместе с тем суд, рассматривающий в порядке уголовного судопроизводства вопрос о замене наказания в виде штрафа на иное наказание, не должен рассматривать введение моратория на удовлетворение требований кредиторов в качестве уважительной причины неуплаты штрафа. Для должника (подсудимого) это будет означать, что исполнение наказания в виде уголовного штрафа возможно только без ущерба иным его кредиторам. В противном случае наказание ему должно быть заменено на более строгое. ¹²

¹ Далее – Закон о банкротстве.

² Головкин Л.В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business // Закон. – 2015. – № 8. – С. 32–46.

³ Хамраев В. Штраф без ущерба для свободы предпринимателя. URL: <http://kommersant.ru/doc/2684116> (дата обращения: «23» июля 2018 г.); Игров А. Все меры должны быть предприняты. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2679716> (дата обращения: «15» июля 2020 г.).

⁴ О.П. Плешанова. Публично-правовая ответственность vs банкротство гражданина. Закон – 2018 – № 10, с. 63.

⁵ Здесь и далее штраф, как вид наказания, предусмотренный ст. 43, 44, 45, 46, 76.2, 88 Уголовного кодекса Российской Федерации, будет именоваться уголовным штрафом.

⁶ Далее – УК РФ.

⁷ Далее – ВС РФ.

⁸ Коровина О.С. Отдельные виды требований при определении признаков банкротства гражданина // Судья. 2016. № 7.

⁹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2018 N 10АП-15978/2017, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.04.2018 N Ф05-4683/2018, Определение Верховного Суда РФ от 31.07.2018 N 305-ЭС18-10258 по делу N А41-6658/2016 по делу N А41-6658/16.

¹⁰ Свириденко О.М. Процессуальные особенности рассмотрения дел о банкротстве граждан: к вопросу о долгах, не подлежащих списанию. Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 10. – С. 70.

¹¹ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.10.2016 по делу N А05-1875/2015

Поздравление с юбилеем А.А. Козицына

9 июня 2020 г. исполнилось 60 лет Андрею Анатольевичу Козицыну

Андрей Анатольевич Козицын родился 9 июня 1960 г. в г. Верхняя Пышма Свердловской области. Он учился в школе, а затем поступил в Свердловский горно-металлургический техникум им. И.И. Ползунова, который окончил в 1979 г. После окончания техникума он начал работать электрослесарем на комбинате «Уралэлектромедь». Затем – служба в рядах Советской армии.

В 1981 г. он вернулся в родную Верхнюю Пышму и стал работать на комбинате «Уралэлектромедь»: электрослесарем, начальником участка КИПиА, заместителем начальника лаборатории автоматизации, далее – начальник отдела оборудования, коммерческий директор. Он прошел все ступеньки служебной лестницы (карьеры) на предприятии и в середине 90-х наконец возглавил его.

Время было весьма непростое: комбинат «Уралэлектромедь» испытывал серьезные производственно-экономические трудности, и чтобы попытаться исправить ситуацию, Андрей Анатольевич решил получить еще одно образование, став студентом Уральского политехнического института (факультет металлургии). Он успешно руководил «Уралэлектромедью» вплоть до 2002 г.

В 2002 г. Андрей Анатольевич стал генеральным директором ООО «УГМК-Холдинг» – управляющей компании УГМК, под контролем которого находится более 40 предприятий в России и за рубежом, производящих черные и цветные металлы, а также агробизнес и строительство. Основа компании – замкнутая технологическая цепочка по меди: от добычи сырья до производства

готовой продукции на основе меди и ее сплавов. УГМК занимает почетное второе место в Российской Федерации по производству меди. Помимо меди Холдинг занимает прочные деловые позиции на рынке цинка, свинца, селена, теллура, медного и никелевого купороса, других видов попутной продукции.

Андрей Анатольевич Козицын и успешный бизнесмен, и опытный менеджер, и дальновидный управленец. За годы правления Холдингом была создана профессиональная команда топ-менеджеров в разных компетенциях. И, конечно, персонал (более 80 тыс. человек) – основная ценность Компании.

Андрей Анатольевич Козицын – известный меценат, и для своего родного региона он сделал очень многое. Губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев в своем поздравлении особо отметил, что «при содействии Андрея Козицына в регионе реализуются масштабные проекты социальной направленности: строятся и реконструируются спортивные объекты, больницы, дома культуры, улучшается транспортная инфраструктура». Так, в родном городе был возведен многопрофильный Дворец спорта УГМК. Этот современный комплекс оснащен отменной тренировочной базой. В нем тренируются будущие чемпионы мира. Осенью 2010 г. перед юниорами открыл двери филиал областного училища олимпийского резерва № 1. А спустя некоторое время в торжественной обстановке состоялось открытие Центра олимпийской подготовки сборных команд России по настольному теннису. Но и это еще не все. Следующий объект, который

планировалось запустить, – это Ледовый дворец спорта.

Андрей Анатольевич Козицын является президентом благотворительного фонда «Дети России», который создан в 1999 г. по его инициативе. Миссия фонда – забота о подрастающем поколении, защита социальных интересов детей и подростков. Деятельность Фонда успешно осуществляется в рамках как одноименной президентской программы, так и собственных благотворительных программ по нескольким направлениям одновременно. Фонд оказывает помощь детям с ограниченными возможностями, детям, оставшимся без попечения родителей, поддерживает детские учреждения, творческие коллективы.

Но и это еще не все проекты Андрея Анатольевича. В своем родном городе он создал музей военной техники, чтобы отдать уважение

ветеранам Великой Отечественной войны.

Широка и многогранная общественная деятельность Андрея Анатольевича. На этом фоне хотелось бы выделить следующие направления: президент баскетбольного клуба «УГМК», вице-президент Всероссийской федерации самбо, президент хоккейного клуба «Автомобилист» (с апреля 2016 г.).

За достигнутые трудовые успехи, значительный вклад в социально-экономическое развитие Российской Федерации, Свердловской области, заслуги в гуманитарной сфере, в

укреплении законности и правопорядка, многолетнюю и добросовестную работу, активную законотворческую и общественную деятельность, Андрей Анатольевич Козицын был награжден многочисленными государственными, конфессиональными, общественными и иными наградами.

Коллектив Уральского государственного юридического университета, научно-практического, экономико-правового журнала «Бизнес, менеджмент и право» поздравляет уважаемого Андрея Анатольевича Козицына по случаю дня рождения! Ваш накопленный опыт,

высокий профессионализм и грамотное управление позволяют Вам находить эффективные пути решения актуальных проблем в национальной экономике, бизнесе, общественной деятельности. Пусть Ваша активная деятельность принесет еще немало пользы нашему региону! Желаем Вам успехов в реализации намеченных планов, счастья, здоровья и благополучия! Пусть поддержка коллег и единомышленников придает Вам силы и энергии для новых свершений! Так держать! Полный вперед! **Е**

